

ОШО

ЛЮБОВЬ

Новый взгляд

СВОБОДА

на отношения

ДИНЧУНГ

ОШО

Ошо-классика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

**Любовь, свобода, одиночество.
Новый взгляд на отношения**

ИГ "Весь"

УДК 159.9
ББК 86.39

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Любовь, свобода, одиночество. Новый взгляд на отношения /
Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Ошо-классика)

ISBN 978-5-9573-3110-0

Эта книга написана так, словно какой-то волшебник собрал в кулак все «мудрости», произнесенные Ошо, и метнул, предоставляя им возможность расположиться где угодно. «Мудрости» выбрали самые неожиданные в книге места, но отыскать их вам труда не составит. Любовь, отношения, одиночество – вот о чем эти «мудрости». Вы узнаете, что люди, которые умеют быть счастливыми в одиночестве, имеют больше шансов установить хорошие отношения с другими. «Ты можешь наслаждаться одиночеством, только если можешь наслаждаться отношениями, и наоборот», – говорит Ошо. Если, оставаясь наедине с собой, вы счастливы и вам хочется поделиться этим счастьем, – именно тогда возникают прекрасные, наполненные отношения... Если вы убеждены, что идеальные отношения существуют только в кино, то эта книга перевернет ваш мир с ног на голову – раз и навсегда.

УДК 159.9
ББК 86.39

ISBN 978-5-9573-3110-0

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.
© ИГ "Весь"

Содержание

Предисловие	6
Любовь	7
Воркование	8
Реальное и нереальное: первый шаг	10
Добродетели «самовлюбленности»	17
Не-привязанность ни к чему	19
Вопросы	23
От связи к бытию вместе	37
Медовый месяц, который никогда не кончается	38
От похоти к любви, от любви к любящему бытию	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ошо

Любовь, свобода, одиночество.

Новый взгляд на отношения

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation; www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Предисловие

В «Симпозиуме» Платона Сократ говорит:

Человек, практикующий таинства любви, соприкоснется не с отражением, но с самой истиной. Чтобы познать это благословение человеческой природы, не найти помощника лучше любви.

Всю жизнь я говорил о любви; разных выражений тысячи, но послание остается прежним. Только одну фундаментальную вещь нужно помнить: это не та любовь, которую вы считаете любовью. Ни Сократ не говорит о такой любви, ни я.

Любовь, которую вы знаете, – не более чем биологический позыв; он определяется вашей биологией и гормонами. Его очень легко изменить – небольшая перемена в химии, и любовь, которую вы считали «высшей истиной», просто исчезнет. Вы называете «любовью» сексуальную страсть. Это разграничение нужно помнить.

Сократ говорит: «Человек, который практикует таинства любви...» В сексуальной страсти нет никаких таинств. Это простая биологическая игра; ее знает каждое животное, каждая птица, каждое дерево. Безусловно, любовь, в которой есть таинства, совершенно отлична от той обычной любви, которую вы знаете.

Человек, практикующий таинства любви, соприкоснется не с отражением, но с самой истиной.

Эта любовь, которая может стать соприкосновением с самой истиной, возникает из сознания – не из тела, но из глубочайшего внутреннего ядра. Похоть исходит из тела, любовь исходит из сознания. Но люди не знают своего сознания, и это непонимание продолжается и продолжается – любовью считается их телесная похоть.

Очень немногие люди в мире познали любовь. Это те люди, которые стали такими молчаливыми, такими мирными... и в этом молчании и мире они пришли в контакт со своим глубочайшим внутренним существом, со своей душой. Когда ты соприкасаешься со своей душой, любовь становится для тебя не отношениями, но просто следует за тобой как тень. Куда бы ты ни двигался, с кем бы ты ни был, ты любишь.

То, что ты прямо сейчас называешь любовью, на кого-то направлено, кем-то ограничено. А любовь – не то явление, которое можно ограничить. Ты можешь держать ее в открытых руках, но не в кулаке. В то мгновение, как твои пальцы сжаты в кулак, они пусты. В то мгновение, как твои руки открыты, тебе доступно все существование.

Сократ прав: тот, кто знает любовь, знает также и истину, потому что это только два названия одного и того же опыта. И если ты не познал истины, помни, что ты не познал и любви.

Чтобы познать это благословение человеческой природы, не найти помощника лучше любви.

Любовь

Вы удивитесь, узнав, что английское слово *love*, любовь, происходит от санскритского слова *лобха*; *лобха* значит «жадность». Может быть, только совпадением было то, что английское слово «любовь» выросло из санскритского корня, означающего «жадность», но у меня такое ощущение, что это не может быть просто совпадением. Наверное, за этим стоит нечто более таинственное, наверное, есть какая-то алхимическая причина. Фактически любовью становится усвоенная и «переваренная» жадность. Любовью становится именно жадность, лобха, хорошо переварившись.

Любить значит делиться; быть жадным значит накапливать. Жадность только хочет и никогда не отдает, а любовь умеет только отдавать и ничего не просит взамен; она делится без условий. Может быть, есть какая-то алхимическая причина тому, что *лобха* становится *любовью* в английском языке. *Лобха* становится любовью в том, что касается внутренней алхимии.

Воркование

Любовь не значит того, что под нею обычно понимается. Обычная любовь – это только маскарад; за ней прячется что-то другое. Настоящая любовь – это совершенно другое явление. Обычная любовь – это требование, настоящая любовь – это зрелость. Она ничего не знает о требованиях; она знает только радость щедрости.

В обычной любви слишком много притворства. Настоящая любовь непритворна; она просто есть. Обычная любовь становится тошнотворной, приторной, вязкой, тем, что вы называете «воркованием». Она приторна, она тошнотворна. Настоящая любовь – это питание, укрепляющее твою душу. Обычная любовь подкармливает твое эго – не настоящего тебя, но ненастоящего. Ненастоящее всегда кормит ненастоящее, помни; а настоящее всегда кормит настоящее.

Стань слугой настоящей любви – и это значит стань слугой любви в ее высочайшей чистоте. Отдавай, делись всем, что у тебя есть, делись и наслаждайся сам тем, что делишься. Не делай этого словно из чувства долга – тогда исчезнет вся радость. И не чувствуй, что делаешь другому одолжение, никогда, ни на мгновение. Любовь никогда не делает одолжений. Фактически, напротив, когда кто-то принимает твою любовь, обязанным чувствуешь себя *ты*. Любовь благодарна за то, что ее принимают.

Любовь никогда не ждет никакой награды, даже благодарности. Если с другой стороны приходит благодарность, любовь всегда удивлена – это приятная неожиданность, потому что нет никаких ожиданий.

Нельзя разочаровать настоящую любовь, потому что прежде всего в ней нет никаких ожиданий. И нельзя удовлетворить ненастоящую любовь, потому что она укоренена в ожиданиях и, что бы ты ни сделал, этого всегда будет недостаточно. Если ожидания слишком велики, никто не сможет их удовлетворить. Таким образом, ненастоящая любовь всегда приносит разочарование, а настоящая любовь – осуществленность.

И когда я говорю: «Стань слугой любви», – я не говорю, что ты должен стать слугой тому, кого ты любишь, – нет, совсем нет. Я не говорю, что ты должен стать слугой возлюбленного. Я говорю, стань слугой *любви*. Поклоняться следует чистой идее любви. Твой возлюбленный – только одна из форм этой чистой идеи, и все существование наполняет не что иное, как миллионы форм той же чистой идеи. Цветок – это одна идея, одна форма, луна – другая, твой возлюбленный – третья... твой ребенок, мать, отец, – все они формы, все они волны в океане любви. Но никогда не становись слугой возлюбленного. Всегда помни, твой возлюбленный – лишь крошечное выражение.

Служи любви посредством возлюбленного, чтобы никогда не становиться привязанным к возлюбленному. И когда человек не привязан к возлюбленному, любовь достигает высочайших вершин. В то мгновение, когда человек становится привязанным, он начинает падать вниз. Привязанность – это своего рода гравитация, непривязанность благодатна. Ненастоящая любовь – это другое название привязанности; настоящая любовь укоренена в непривязанности.

Ненастоящая любовь проявляет столько озабоченности – она всегда озабочена. Настоящая любовь внимательна, но в ней нет озабоченности. Если ты действительно любишь человека, ты будешь внимательным к его настоящим потребностям, но не будешь проявлять заботы о его дурацких, глупых фантазиях. Ты позаботишься как только сможешь о его потребностях, но не станешь удовлетворять его воображаемых желаний. Ты не станешь удовлетворять ничего, что может ему повредить. Например, ты не станешь удовлетворять его эго, хотя его эго будет требовательно. Человек, который слишком заботлив, привязан, будет удовлетворять требования эго – а это значит отравлять своего возлюбленного. Внимание означает, что ты видишь, что является не реальной потребностью, но потребностью эго; ты не будешь этого удовлетворять.

Любовь проявляет сострадание, но не озабоченность. Иногда это жестоко, потому что иногда состраданию приходится быть жестоким. Иногда оно очень отрешенно. Если помогает отрешенность, будь отрешенным. Иногда оно очень холодно; если нужно быть холодным, будь холодным. Какой бы ни была потребность, любовь к ней внимательна – но не озабочена. Она не станет удовлетворять никаких нереальных потребностей; она не станет соответствовать никаким ядовитым идеям в другом.

Ищи, медитируй на любовь, экспериментируй. Любовь – это величайший в жизни эксперимент, и те, кто живет, не экспериментируя с энергией любви, никогда не узнают, что такое жизнь. Они останутся только на поверхности, не входя в ее глубину.

Мое учение ориентировано на любовь. Я могу очень легко отбросить слово «Бог» – нет никаких проблем – но не могу отбросить слово «любовь». Если мне придется выбирать между словами «любовь» и «Бог», я выберу «любовь»; я совершенно забуду «Бога», потому что те, кто знает любовь, обязательно познают и Бога. Но не наоборот: те, кто думает о Боге, философствуют о Боге, могут никогда не узнать любви – и никогда не узнать самого Бога.

Реальное и нереальное: первый шаг

Люби себя и наблюдай, – сегодня, завтра, всегда.

Мы начинаем с одного из самых глубоких учений Гаутамы Будды: люби себя.

Прямо противоположному учили вас все традиции мира – все цивилизации, все культуры, все церкви. Они говорят: «Люби других, не люби себя». И за их учениями стоит определенная стратегия.

Любовь – это питание для души. Любовь для души – это то же самое, что пища для тела. Без пищи тело слабо, без любви слаба душа. И никакое государство, никакая церковь, никакие объединенные интересы никогда не хотят, чтобы у людей были сильные души, потому что человек с духовной энергией обязательно будет бунтарем.

Любовь делает тебя бунтарем, революционером. Любовь дает тебе крылья, чтобы парить ввысь. Любовь дает тебе прозрение в природу вещей, и никто не может тебя обманывать, эксплуатировать, угнетать. А священники и политики живут лишь тем, что сосут твою кровь; они выживают только благодаря эксплуатации.

Все священники и политики – паразиты. Чтобы сделать тебя духовно слабым, они нашли верный метод, метод со стопроцентной гарантией, и он состоит в том, чтобы учить тебя не любить самого себя. Потому что если человек не может любить самого себя, он не может любить и никого другого. Это учение очень коварно – они говорят: «Люби других», – потому что знают, что если ты не можешь любить себя, то не сможешь любить вообще никого. Но они продолжают говорить: «Люби других, люби человечество, люби Бога. Люби природу, люби свою жену, мужа, детей, родителей». Но ты не любишь себя – потому что, по их словам, любовь к себе эгоистична. Они осуждают любовь к себе как худшее из всего.

И они придали своим учениям очень логичный вид. Они говорят: «Если ты любишь себя, то станешь эгоистом, если ты любишь себя, то станешь самовлюбленным». Это неправда.

Человек, который любит себя, находит, что в нем нет никакого эго. Эго возникает именно в любви к другим *без* любви к себе, в *попытках* любить других. Миссионеры, социальные реформаторы, социальные служители имеют величайшие эго в мире – естественно, потому что они считают себя высшими человеческими существами. Они необычные – обычные люди любят себя. Они любят других, они любят великие идеалы, они любят Бога.

И вся их любовь фальшива, потому что у их любви нет никаких корней.

Человек, который любит себя, совершает первый шаг к настоящей любви. Это все равно что бросить камешек в тихую заводь: круги начнут расходиться вокруг того места, где упал камешек, очень близко – естественно, где еще они могут возникнуть? И тогда они будут продолжать распространяться; они достигнут дальнего берега. Если остановить круги, возникающие рядом с камешком, других кругов вообще не будет. Тогда ты не можешь надеяться создать круги, достигающие дальних берегов; это невозможно.

И священники, и политики осознали это явление: заставь людей перестать любить себя, и тем самым ты разрушишь всю их способность к любви. Теперь все, что они считают любовью, будет лишь ложью. Это может быть долг, но не любовь, а долг – это трехбуквенное грязное слово.

Родители осуществляют свой долг по отношению к детям, и в ответ дети должны осуществлять свой долг по отношению к родителям. Жена исполняет долг по отношению к мужу, и муж исполняет долг по отношению к жене. Где же любовь?

Любовь ничего не знает о долге. Долг – это бремя, формальность. Любовь – это радость, щедрость; любовь неформальна. Влюбленный никогда не чувствует, что сделал достаточно; влюбленный всегда чувствует, что возможно гораздо большее. Влюбленный никогда не чув-

ствует: «Я сделал другому одолжение». Напротив, он чувствует: «Я чувствую себя обязанным, потому что моя любовь была принята. Другой сделал мне одолжение, приняв мой подарок, не отвергнув его».

Человек долга думает: «Я выше, я духовный, незаурядный. Посмотрите, как я служу людям!» Это народные служители – самые фальшивые люди в мире, и к тому же самые вредоносные. Если бы нам удалось избавиться от народных служителей, человечество освободилось бы от бремени, почувствовало бы себя очень легко, снова смогло бы танцевать, петь.

Но веками твои корни обрубали, отравляли. Тебя заставили бояться того, чтобы влюбиться в самого себя – а это первый шаг любви и первый ее опыт. Человек, который любит себя, уважает себя. А человек, который любит и уважает себя, любит и уважает и других, потому что знает: «Другие точно такие же, как я. Точно так же, как я наслаждаюсь любовью, уважением, достоинством, наслаждаются и другие». Он осознает, что мы ничем не отличаемся в том, что касается основ; мы – одно. Мы подчинены одному и тому же закону. Будда говорит: «Мы живем по одному и тому же вечному закону – *эс дхаммо санантано*». В деталях мы можем немного отличаться друг от друга – это приносит разнообразие, это красиво, но в своих основах мы – части одной и той же природы.

Человек, который любит себя, так наслаждается любовью и становится таким блаженным, что любовь начинает его переполнять, она начинает достигать других. Ей *приходится* достичь других! Если ты проживаешь любовь, ты начинаешь ею делиться. Ты не можешь продолжать любить себя вечно, потому что одно станет тебе абсолютно ясно: если любить одного человека, себя, так безмерно экстаично и красиво, ты не испытаешь от этого настоящих чувств. Насколько больший экстаз ждет тебя, если ты начнешь делиться любовью со многими, многими людьми!

Мало-помалу круги начинают достигать другого берега. Ты любишь других людей, потом начинаешь любить животных, птиц, деревья, камни. Ты можешь наполнить своей любовью всю вселенную. Одного-единственного человека достаточно, чтобы наполнить любовью всю вселенную, точно как одного камешка – маленького камешка – достаточно, чтобы наполнить кругами все озеро.

Только Будда может сказать: *Люби себя*. Ни священник, ни политик не смогут с этим согласиться, потому что это разрушит само их сооружение, саму структуру эксплуатации. Если человеку не позволено любить себя, его дух, душа становится с каждым днем слабее и слабее. Его тело может расти, но внутреннего роста не будет, потому что у него нет никакого внутреннего питания. Он остается телом без всякой души, или с одной потенциальной возможностью души. Душа остается семенем – и будет оставаться семенем, если ты не сможешь найти для нее правильной почвы любви. А ты не сможешь ее найти, следуя этой глупой идее: «Не люби самого себя».

Я тоже учу вас сначала любить самих себя. Это не имеет ничего общего с эго. Фактически, любовь – это такой свет, что темнота эго вообще не может в нем существовать. Если ты любишь других, если твоя любовь сфокусирована на других, ты будешь оставаться в темноте. Обрати свой свет сначала на самого себя, стань сначала светом самому себе. Пусть этот свет рассеет твою внутреннюю темноту, внутреннюю слабость. Пусть любовь сделает тебя огромной энергией, духовной силой.

И как только твоя душа становится сильной, ты узнаешь, что никогда не умрешь, что ты бессмертен, вечен. Любовь дает тебе первое прозрение вечности. Любовь – это единственный опыт, ведущий за пределы времени: именно поэтому влюбленные не боятся смерти. Любовь не знает смерти. Единственное мгновение любви больше, чем целая вечность.

Но любовь должна начинаться с самого начала. Любовь должна начинаться с этого первого шага:

Люби себя.

Не осуждай себя. Тебя столько осуждали, и ты принял все это осуждение. Теперь ты продолжаешь причинять себе вред. Никто не считает себя достаточно достойным, никто не считает себя красивым творением Бога; никто не думает, что он вообще нужен. Все это ядовитые идеи, но тебя ими отравили. Ты всосал яд с молоком матери – и таким было все твоё прошлое. Человечество жило под темным, темным облаком самоосуждения. Если ты осуждаешь себя, как ты можешь расти? Как ты можешь вообще стать зрелым? И если ты осуждаешь себя, как ты можешь поклоняться существованию? Если ты не можешь поклоняться существованию внутри себя, то не сможешь поклоняться существованию и в других; это невозможно.

Ты можешь стать частью целого, только глубоко уважая обитающего в тебе Бога. Ты хозяин, Бог твой гость. Любя себя, ты это узнаешь: Бог избрал тебя своим проводником. Избрав тебя своим проводником, Он уже воздал тебе уважение, проявил любовь. Он создал тебя не случайно; Он создал тебя с определенным предназначением, с определенным потенциалом, с определенной славой, которой ты должен достичь. Да, Бог создал человека по собственному образу. Человеку предназначено стать Богом. Пока человек не становится Богом, для него нет никакой удовлетворенности, осуществленности.

Но как тебе стать Богом? Твои священники тебе говорили, что ты грешник. Твои священники говорили, что ты обречен на то, чтобы оказаться в аду. И они заставили тебя бояться любить себя. Это их трюк, нацеленный на то, чтобы обрубить сами корни любви. И они очень коварные люди. Самая коварная в мире профессия – это профессия священника. Он говорит: «Люби других». И теперь любовь будет пластмассовой, синтетической, притворной, напускной.

Они говорят: «Люби человечество, родину, отчизну, жизнь, существование, Бога». Большие слова, но совершенно бессмысленные. Сталкивался ли ты когда-нибудь с человечеством? Ты всегда сталкиваешься с человеческими существами – в то время как осуждаешь первое человеческое существо, с которым сталкиваешься, то есть *себя*.

Ты не уважаешь себя, не любишь себя. Вся твоя жизнь тратится впустую на осуждение других. Именно поэтому люди так хорошо умеют находить недостатки. Они находят недостатки в себе – как они могут избежать того, чтобы не находить те же недостатки в других? Фактически, они их находят и преувеличивают, делают их как можно больше. Это кажется единственным выходом; тебе приходится это делать, чтобы хоть как-то сохранить лицо. Именно поэтому в мире столько критики и так мало любви.

Я говорю, что это одна из самых глубоких сутр Будды, и только пробужденный человек может дать вам такое прозрение.

Он говорит: *Люби себя...* Это может стать основанием радикальной трансформации. Не бойся любить себя. Люби тотально, и ты будешь удивлен: тот день, когда ты избавишься от всего самоосуждения, от всего неуважения к себе, тот день, когда ты сможешь избавиться от идеи первородного греха, тот день, когда ты сможешь считать себя достойным и любимым существованием, – будет днем великого благословения. С этого самого дня и впредь ты будешь видеть людей в их истинном свете, и в тебе будет сострадание. И оно будет не культивируемым состраданием; это будет естественный, спонтанный поток.

И человеку, который любит себя, легко стать медитативным, потому что медитация означает быть с самим собой. Если ты ненавидишь себя – а это то, что ты делаешь, чему тебя учили и чему ты скрупулезно следовал, – если ты ненавидишь себя, как ты можешь быть с самим собой? А медитация – это не что иное, как наслаждение собственным красивым одиночеством. Празднование себя – в этом состоит вся медитация.

Медитация – это не отношения; другого вообще не нужно, человек самодостаточен. Человек купается в собственной славе, купается в собственном свете. Человеку просто радостно, потому что он жив, потому что он *есть*.

Величайшее чудо в мире – то, что ты есть, что я есть. *Быть* – вот величайшее чудо, и медитация раскрывает двери этого чуда. Но только человек, который любит себя, может медитировать; иначе ты всегда бежишь от себя, избегаешь себя. Кому захочется смотреть на уродливое лицо, кому захочется проникнуть в уродливое существо? Кому захочется глубоко войти в собственную грязь, в собственную темноту? Кому захочется войти в тот ад, каким ты себя считаешь? Ты хочешь, чтобы все это было заслонено прекрасными цветами, и тебе всегда хочется бежать от самого себя.

Поэтому люди постоянно ищут компании. Они не могут оставаться с самими собой; они хотят быть с другими. Люди ищут какой угодно компании; если они могут избежать компании самих себя, подойдет что угодно. Они будут три часа сидеть в кинотеатре, смотря что-то совершенно глупое. Они будут часами читать детективный роман, тратя время впустую. Они будут снова и снова перечитывать одну и ту же газету, чтобы оставаться занятыми. Они будут играть в карты и шахматы, просто чтобы убить время – как будто у них слишком много времени!

У нас немного времени. У нас недостаточно времени, чтобы расти, быть, радоваться.

Но это одна из основных проблем, созданных неправильным воспитанием: ты избегаешь самого себя. Люди сидят перед телевизором, приклеенные к своим стульям, четыре, пять, даже шесть часов. Средний американец смотрит телевизор пять часов в день, и эта болезнь распространится по всему миру. И что вы видите? Что вы получаете? Сжигая глаза...

Но так было всегда; даже если бы телевизора не было, есть другие вещи. Проблема остается прежней: человек чувствует себя таким уродливым и стремится избежать себя. Но кто сделал вас такими уродливыми? – ваши так называемые религиозные люди, папы, *шанкарачарьи*. Они ответственны за то, как искажены ваши лица – они добились успеха; они сделали уродливым каждого.

Каждый ребенок рождается красивым, но мы тут же начинаем искажать его красоту, калечить его всеми способами, парализовать его всеми способами, искажать его пропорции, выводить его из равновесия. Рано или поздно он начнет испытывать к себе такое отвращение, что готов будет быть с кем угодно. Он может пойти к проститутке, только чтобы избежать самого себя.

Люби себя, говорит Будда. И это может трансформировать мир. Это может разрушить все уродливое прошлое. Это может провозгласить новую эру, это может стать началом нового человечества.

Поэтому я так настаиваю на любви – но любовь начинается с тебя самого, и тогда она может продолжать распространяться. Она продолжает распространяться сама собой; не нужно ничего делать, чтобы ее распространить.

Люби себя, говорит Будда, и тотчас же добавляет: *и наблюдай*. Это медитация – по крайней мере, так Будда ее называет. Но первое требование: любить себя, *затем* наблюдать. Если, не любя себя, ты начнешь наблюдать, может быть, тебе захочется совершить самоубийство! Многим буддистам хочется совершить самоубийство, потому что они не обращают внимания на первую часть этой сутры. Они сразу же перепрыгивают ко второй: «Наблюдай себя». Фактически, я никогда не встречал ни одного комментария «Дхаммапады», этих сутр Будды, который уделял бы внимание этой первой части: *Люби себя*.

Сократ говорит: «Познай себя». Будда говорит: «Люби себя», и Будда гораздо глубже, потому что, не любя себя, ты никогда не сможешь себя познать – познание себя приходит лишь следом. Любовь подготавливает почву. Любовь – это возможность познать себя; любовь – это правильный способ познавать себя.

Когда-то я жил с одним буддистским монахом, которым звали Джагдиш Кашьяпа; он уже умер. Он был хорошим человеком. Мы говорили о «Дхаммападе» и дошли до этой сутры, и он заговорил о наблюдении, словно первой части и не было. Ни один традиционный буддистский монах не уделяет никакого внимания первой части; он просто пропускает ее.

Я сказал Джагдишу Кашьяпе:

– Подожди! Ты пропускаешь что-то очень существенное. Наблюдение – это второй шаг, а ты делаешь его первым. Оно не может быть первым шагом.

Тогда он снова перечитал эту сутру, и у него загорелись глаза:

– Я читал «Дхаммападу» всю жизнь и, должно быть, видел эту сутру миллионы раз. Каждый день в качестве утренней молитвы я просматриваю «Дхаммападу» и могу повторить ее наизусть, но я никогда не воспринимал «любить себя» как первую часть медитации, а наблюдение как вторую.

И в такой же ситуации находятся миллионы буддистов во всем мире... и это касается и нео-буддистов, потому что сейчас буддизм распространяется на Западе. На Западе пришло время Будды; теперь Запад готов понять Будду, и сделать ту же самую ошибку. Никто не думает, что любовь к себе должна быть основой познания себя, наблюдения себя... потому что, не любя себя, ты не можешь столкнуться с самим собой лицом к лицу. Ты будешь избегать себя. Твое наблюдение само по себе может быть способом избегать себя.

Первое: *Люби себя и наблюдай – сегодня, завтра, всегда.*

Окружи себя энергией любви. Люби тело, люби ум. Люби весь свой механизм, весь свой организм. Под «любовью» подразумевается: прими его как он есть. Не пытайся подавлять. Мы что-то подавляем, только когда это ненавидим, мы что-то подавляем, только когда мы против этого. Не подавляй, потому что, подавляя, как ты будешь наблюдать? Мы не можем смотреть в глаза врагу; мы можем смотреть в глаза только возлюбленному. Если ты не влюблен в самого себя, ты не сможешь смотреть самому себе в глаза, не сможешь увидеть свое лицо, заглянуть в собственную реальность.

Наблюдение – это медитация, так Будда называет медитацию. *Наблюдение* — это пароль Будды (по-английски «наблюдение» – «watch», а «пароль» – «watchword»). Он говорит: «Осознавай, будь начеку, не будь бессознательным. Не веди себя сонно. Не продолжай функционировать, как машина, как робот». Именно так живут люди.

Майк как раз переехал на новую квартиру и решил познакомиться с соседом напротив. Когда дверь открылась, он был радостно удивлен, увидев красивую молодую блондинку, округлости которой проступали сквозь скудные покровы полупрозрачного пеньюара.

Майк смело посмотрел ей в глаза и выдал импровизацию:

– Привет! Я твой новый сахар напротив – нельзя ли мне одолжить горсточку соседа?

Люди живут так бессознательно. Они не осознают, что говорят, что делают – они не наблюдательны. Люди продолжают гадать, ничего не видя; у них нет никакого внутреннего видения и *не может* быть. Внутреннее видение возникает только в глубокой наблюдательности; тогда ты можешь видеть даже с закрытыми глазами. Прямо сейчас ты ничего не видишь даже с открытыми. Ты гадаешь, умозаключаешь, накладываешь, проецируешь.

Грэйс лежала на кушетке психоаналитика.

Закройте глаза и расслабьтесь, – сказал он, – и я проведу эксперимент.

Он вытащил из кармана кожаный чехол для ключей, открыл его и потряс ключами.

– Что вам напоминает этот звук?

– Секс, – прошептала она.

Тогда он закрыл чехол и коснулся обращенного вверх пальца девушки. Ее тело напряглось.

– А это? – спросил психоаналитик.

– Секс, – нервно пробормотала Грэйс.

– А теперь откройте глаза, – продолжал инструкции доктор, – и расскажите мне, почему то, что я сделал, вызвало в вас воспоминания о сексе.

Неуверенно ее веки раскрылись. Грэйс увидела чехол для ключей в руке психоаналитика и залилась лиловым румянцем.

– Эээ... ну, в общем... – пробормотала она, – я подумала, что первый звук был звуком расстегивающейся ширинки...

Твой ум постоянно проецирует – проецирует самого себя. Твой ум постоянно вмешивается в реальность, придает ей свой цвет, форму и образ, который ей не принадлежит. Твой ум никогда тебе не позволяет видеть то, что есть; он всегда позволяет тебе видеть только то, что *хочет* видеть.

Ученые раньше думали, что наши глаза, нос, другие органы чувств и ум – это не что иное, как выходы в реальность, мосты в реальность. Но теперь все понимание изменилось. Теперь они говорят, что наши органы чувств и ум – на самом деле не выходы в реальность, но часовые, стоящие у нее на пути. Лишь два процента реальности вообще проникает в тебя, минуя этих часовых; девяносто восемь процентов остается снаружи. И те два процента, которые достигают тебя и твоего существа, больше не в первоначальном виде. Им пришлось преодолеть столько препятствий, пройти столько согласований в уме, что к тому времени, как они тебя достигают, они совершенно преображаются.

Медитация означает: отложить ум в сторону, чтобы он больше не примешивался к реальности, и ты мог видеть вещи такими как есть.

Почему ум вообще вмешивается? – потому что ум создается обществом. Это агент общества, внедренный к тебе вовнутрь; и он служит не тебе, помни! Этот ум твой, но он служит не тебе; это заговор против тебя. Он был обусловлен обществом; общество вживило в него многие вещи. Этот ум – твой, но он больше не действует как твой слуга, он действует как слуга общества. Если ты христианин, он действует как агент христианской церкви, если ты индуист, твой ум – индуистский, если ты буддист, твой ум – буддистский. А реальность – не христианская, не индуистская и не буддистская; реальность – это просто то, что есть.

Ты должен отложить все эти умы в сторону: коммунистический ум, фашистский ум, католический ум, протестантский ум... На земле три тысячи религий, – большие религии и маленькие, и очень маленькие секты, и секты внутри сект, – всего три тысячи. Таким образом, есть три тысячи умов, три тысячи видов ума – а реальность одна, существование одно, истина одна!

Медитация означает: отложи ум в сторону и наблюдай. Первый шаг – *люби себя* – очень поможет. Любя себя, вы разрушите все то, что внедрило вам вовнутрь общество. Вам предстоит стать свободнее от общества и его обусловленностей.

И второй шаг, *наблюдай* – просто наблюдай. Будда не говорит, что именно нужно наблюдать – все! Когда идешь, наблюдай свою ходьбу. Когда ешь, наблюдай, как ты ешь. Принимая душ, наблюдай воду, холодную воду, падающую на тебя, прикосновение воды, прохладу, дрожь, бегущую по спине, – наблюдай все, *сегодня, завтра, всегда*.

В конце концов, приходит мгновение, когда ты можешь наблюдать даже свой сон. Это предельное в наблюдении. Тело продолжает спать, но все же наблюдатель продолжает бодрствовать и в молчании наблюдать крепко спящее тело. Это предельное в наблюдении. Прямо сейчас ситуация прямо противоположна: твое тело пробуждено, но *ты спишь*. Тогда *ты* будешь пробужден, а тело будет крепко спать.

Телу нужен отдых, но твоему сознанию не нужен сон. Твое сознание – *это сознание*, это бдительность, это сама его природа. Тело устает, потому что тело живет по закону гравитации. Именно гравитация делает тебя усталым – именно поэтому если ты быстро бежишь, то скоро устанешь, поднимаясь по лестнице, ты скоро устанешь, потому что гравитация тянет тебя вниз. Фактически, стоять утомительно, сидеть утомительно; когда ты лежишь на спине, в горизонтальном положении – лишь тогда тело получает немного отдыха, потому что теперь ты сонностроен с законом гравитации. Когда ты стоишь вертикально, ты идешь против этого закона; кровь поднимается к голове, вопреки закону; сердце должно изо всех сил ее накачивать.

Но действие сознания не подчиняется закону гравитации; поэтому оно никогда не устает. У гравитации нет власти над сознанием; это не скала, у него нет веса. Оно действует по совер-

шенно другому закону: по закону гравитации, или, как он известен на Востоке, по закону левитации. Гравитация означает притяжение вниз; левитация означает притяжение вверх.

Тело постоянно тянет вниз – именно поэтому, в конце концов, тебе предстоит лечь в могилу. Это будет настоящий отдых для тела – прах во прах. Тело вернулось к своему источнику, суতোка прекратилась, и теперь нет никакого конфликта. Атомы твоего тела смогут по-настоящему отдохнуть только в могиле.

Душа парит выше и выше. По мере того как ты становишься более наблюдательным, у тебя начинают расти крылья, и тогда все небо – твое.

Человек – это встреча земли и неба, тела и души.

Добродетели «самовлюбленности»

Если ты не заботишься о себе, то не сможешь быть альтруистичным, помни. Если ты не заботишься о себе, то не сможешь заботиться и о других, помни. Только глубоко заботящийся о себе человек может заботиться о других. Но это нужно понять, потому что это кажется парадоксом.

В чем смысл «заботы о себе»? Первая основа: быть центрированным в себе. Вторая основа: всегда искать собственного блаженства. Если ты центрирован в себе, ты будешь заботиться о себе во всем, что ты делаешь. Ты можешь идти и служить людям, но делать это будешь только потому, что наслаждаешься этим, потому что любишь это делать, потому что, делая это, чувствуешь себя счастливым и блаженным – делая это, ты чувствуешь *себя*. Ты не выполняешь никакого долга; ты не служишь никакому человечеству. Ты не великий мученик; ты ничем не жертвуешь. Эти термины ничего не значат. Ты просто остаешься счастливым, по-своему – и это дает тебе хорошее чувство. Ты идешь в больницу и служишь больным, или идешь к бедным и служишь им, но ты это *любишь*. Именно так ты растешь. Глубоко внутри ты чувствуешь блаженство и молчание, и ты счастлив от того, что делаешь.

Центрированный в себе человек всегда ищет собственного счастья. И красота в том, что чем больше ты ищешь своего счастья, тем более помогаешь быть счастливыми другим. Потому что это единственный способ быть счастливым в мире. Если каждый из окружающих тебя несчастлив, ты не можешь быть счастливым, потому что ни один человек – не остров. Он – часть огромного континента. Если ты хочешь быть счастливым, тебе придется помочь быть счастливыми всем вокруг тебя. Тогда – и только тогда – можешь быть счастливым ты.

Тебе придется окружить себя атмосферой счастья. Если каждый несчастен, как ты можешь быть счастливым? Это будет воздействовать на тебя. Ты не камень, ты очень деликатное существо, очень чувствительное. Если кто-то рядом с тобой несчастлив, это несчастье на тебя влияет. Несчастье заразительно, как любая болезнь. Блаженство тоже заразительно, как любая болезнь. Если ты помогаешь другим быть счастливыми, по большому счету ты помогаешь быть счастливым самому себе. Человек, глубоко заинтересованный в своем собственном счастье, всегда заинтересован и в счастье других, и именно поэтому он им помогает. Если каждого в мире научить заботиться о себе, весь мир будет счастливым. Не будет никакой возможности несчастья.

Если хочешь быть здоровым, ты не можешь жить среди людей, которые больны. Как ты можешь быть здоровым? Это невозможно, это против законов природы. Ты должен будешь помочь другим быть здоровыми. В этом здоровье становится возможным твое собственное здоровье.

Учите каждого заботиться о себе – из этого вырастает забота о других. Забота о других, по большому счету, – это забота о себе; поначалу это может выглядеть как забота о других, но в конечном итоге это осуществляет *тебя*. И тогда счастье может быть преумножено: на тебя падает столько счастья, сколько вокруг тебя счастливых людей. Ты можешь быть сверхсчастливым.

И счастливый человек так счастлив, что хочет, чтобы его оставили наедине с этим счастьем. Он хочет жить среди цветов, поэзии и музыки. Почему он должен беспокоиться о том, чтобы идти на войну, быть убитым или убивать других? Почему он должен совершать убийство или самоубийство? Это могут делать только не заботящиеся о себе люди, потому что они никогда не знали, какое для них возможно блаженство. Они никогда не переживали опыта того, что значит *быть*, что значит праздновать. Они никогда не танцевали, они никогда не вдыхали жизнь. Они никогда не знали никаких божественных проблесков; все эти проблески приходят из глубокого счастья, из глубокой наполненности, удовлетворенности.

Не заботящийся о себе человек лишен корней, не центрирован. Он живет в глубоком неврозе. Он идет против природы; он не может быть целым и здоровым. Он борется с самим течением жизни, бытия, существования – он пытается не заботиться о себе. Он *не может* не заботиться о себе – потому что только заботящийся о себе человек может заботиться о других.

Когда у тебя есть счастье, ты можешь им поделиться; когда у тебя его нет, как ты можешь им поделиться? Прежде чем чем-то делиться, нужно это иметь. Не заботящийся о себе человек всегда серьезен, глубоко внутри болен, тревожен. Он упустил собственную жизнь. И помни, каждый раз, когда ты упускаешь собственную жизнь, это делает тебя более убийственным, суицидальным. Каждый раз, когда человек живет в страдании, ему хочется разрушать.

Страдание разрушительно; счастье созидательно. Есть лишь одно творчество, и оно возникает из блаженства, радости, веселья. Когда ты радостен, тебе хочется что-то создать – может быть, детскую игрушку, может быть, стихотворение, может быть, картину, – что угодно. Каждый раз, когда тебя переполняет радость жизни, как это выразить? Ты что-то создаешь – то или другое. Но когда ты несчастен, тебе хочется что-то разбить или разрушить. Тебе хочется стать политиком, тебе хочется стать солдатом – тебе хочется создать какую-то ситуацию, в которой ты можешь быть разрушительным.

И именно таким образом на земле постоянно начинаются войны. Это страшная болезнь. И все политики продолжают говорить о мире – готовятся к войне, а выступают за мир. Фактически, они говорят: «Мы готовимся к войне, чтобы сохранить мир». Совершенно иррационально! Если ты готовишься к войне, как ты можешь сохранить мир? Чтобы сохранить мир, ты должен готовиться к миру.

Именно поэтому новое поколение во всем мире представляет для правящего порядка большую угрозу. Этим интересуется только как быть счастливыми. Их интересуется любовь, их интересуется медитация, их интересуется музыка, танец... Политики всего мира очень встревожены. Новое поколение не интересуется политика – правая или левая. Нет, это их вообще не интересуется. Они не коммунисты; они не принадлежат ни к какому «-изму».

Счастливый человек принадлежит самому себе. Почему он должен принадлежать к какой-то организации? Это путь несчастного человека: принадлежать к какой-то организации, принадлежать к какой-то толпе. Он не принадлежит самому себе, потому что у него нет корней внутри себя – и это приводит его в глубокую, глубокую тревогу: он должен принадлежать. Он создает заменитель принадлежности. Он идет и становится частью какой-то политической партии, революционной партии или частью чего угодно – религии. Тогда он чувствует, что к чему-то принадлежит: есть толпа, в которой он укоренен.

Человек должен быть укорененным в самом себе, потому что путь глубоко в существование начинается с него самого. Если ты принадлежишь к толпе, ты принадлежишь к тупику, из которого никакой дальнейший рост невозможен. Это конец, остановка.

Таким образом, я не учу вас не заботиться о себе, потому что знаю, что если вы заботитесь о себе, то станете заботиться о других автоматически, спонтанно. Если вы не заботитесь о себе, то упустите себя; тогда вы не можете быть в контакте ни с кем другим – для этого контакта нет основы. Пропущен первый шаг.

Забудь о мире и обществе, и утопиях, и Карле Марксе. Забудь обо всем этом. Просто будь здесь следующие несколько лет. Наслаждайся, радуйся, будь счастливым, танцуй и люби; и из этой любви и танца, из этой глубокой заботы о себе начнется переполнение энергии. Ты сможешь делиться с другими.

Любовь, говорю я, – это одна из самых заботящихся о себе вещей.

Не-привязанность ни к чему

«Любовь – единственная свобода от привязанности. Любя все, ты не привязан ни к чему».

...«Мужчина, поработанный любовью женщины, или женщина, поработанная любовью мужчины, в равной мере не годятся для драгоценной короны свободы. Но мужчина и женщина, слившиеся воедино в любви, неразделимые, неопределимые, – более всех достойны этой награды».

Из «Книги Мирдада» Михаила Наими

«Книга Мирдада» – одна из моих самых любимых книг. Мирдад это вымышленное лицо, но каждое высказывание и действие Мирдада безмерно важно. Эту книгу нельзя читать как роман, ее нужно читать как священное писание – может быть, единственное священное писание.

И вы можете увидеть в этом высказывании лишь проблеск прозрения, осознанности, понимания Мирдада. Он говорит: *Любовь – единственная свобода от привязанности...* а вы всегда думали, что любовь – это *единственная* привязанность. Все религии соглашаются в том, что любовь – это единственная привязанность.

Я согласен с Мирдадом:

Любовь – единственная свобода от привязанности. Любя все, ты не привязан ни к чему.

Фактически, человек должен понять само явление привязанности. Почему ты за что-то цепляешься? Потому что боишься это потерять. Может быть, кто-то это украдет. Ты боишься, что того, что у тебя есть сегодня, завтра может не быть.

Кто знает, что случится завтра? Женщина, которую ты любишь, или мужчина, которого ты любишь... – возможно движение в любом направлении: вы можете подойти друг к другу ближе, а можете отдалиться. Вы можете снова стать незнакомцами, а можете слиться воедино настолько, что нельзя будет даже сказать, что вас двое; конечно, тела два, но сердце одно, и песня сердца одна, и вас, как облако, окутывает экстаз. Вы исчезаете в этом экстазе: ты не ты, я не я. Любовь становится такой тотальной, любовь так велика и ошеломляюща, что ты не можешь оставаться собой; тебе приходится утонуть и исчезнуть.

В этом исчезновении кто будет привязанным и к кому? Все *есть*. Когда любовь расцветает во всей своей полноте, все просто есть. Завтрашний день не страшит, поэтому нет речи ни о какой привязанности, цеплянии, браке, любого рода договоре, оковах.

Что такое браки, как не деловые договоры? «Мы предаем себя друг другу перед лицом суда» – вы оскорбляете любовь! Вы следуете закону, а это самое низшее в существовании и самое уродливое. Принося любовь в суд, совершаете непростительное преступление. Вы заявляете перед судьей в суде: «Мы хотим пожениться и останемся мужем и женой. Это наше обещание перед законом: мы не расстанемся и не будем обманывать друг друга». Разве вы не видите, что это величайшее оскорбление любви? Разве вы тем самым не ставите закон выше любви?

Закон для тех, кто не умеет любить. Закон слеп, он не для тех, у кого есть глаза. Закон для тех, кто забыл язык сердца и знает только язык ума. Ценность изречений Мирдада так велика, что их нужно глубоко понять – не только интеллектуально, не только эмоционально, но всей вашей тотальностью. Все существо должно это впитать:

Любовь – единственная свобода от привязанности... потому что, когда ты любишь, ты даже не думаешь ни о чем другом. *Любя все, ты не привязан ни к чему.* Каждое мгновение приходит с новым великолепием, с новой славой, с новыми песнями; каждое мгновение вносит в танец новые танцы. Может быть, партнеры меняются, но любовь остается прежней.

Привязанность – это желание, чтобы партнер никогда не менялся. Ради этого вы даете клятву перед судом, обществом – все это глупые формальности. И если вы пойдете против этих формальностей, то потеряете все уважение и честь в глазах людей, среди которых вам приходится жить.

Любовь ничего не знает о привязанности, потому что в любви нет никакой возможности пасть ниже своего достоинства. Любовь – сама по себе честь, сама по себе респектабельность; нельзя ничего с ней сделать. Я не говорю, что партнеры не могут меняться, но это неважно: когда партнеры будут меняться, но любовь будет оставаться текущей, словно река, тогда, фактически, в мире будет гораздо больше любви, чем есть сегодня. Сегодня мир почти как неплотно закрытый кран – кап, кап, кап... Это не утолит ничьей жажды. Любовь должна быть океанической, не капающей по капле из протекающего крана общества. А все браки принадлежат обществу.

Любовь принадлежит вселенной. Любовь не приглашает на празднование лишь горстку людей, любовь приглашает все звезды, солнца, цветы и всех птиц; на праздник приглашено все существование.

Любви не нужно ничего другого... ночь, полная звезд, – чего еще ты можешь желать? Просто несколько друзей... и все вселенная дружелюбна. Я никогда не встречал дерева, которое было бы против меня. Я видел много гор, но никогда не видел ни одной, которая бы мне противостояла. Все существование очень дружелюбно.

Как только расцветает твое собственное понимание любви, не может быть речи вообще ни о какой привязанности. Ты можешь продолжать менять партнеров, но это не значит, что ты кого-то бросаешь. Ты можешь вернуться к тому же партнеру, нет никакого предрассудка.

Человеку следовало бы понимать себя просто как ребенка, играющего на берегу моря, собирающего ракушки, цветные камешки и безмерно наслаждающегося, словно он нашел великое сокровище. Если человек может наслаждаться мелочами жизни, жить в свободе и позволить жить в свободе другим, весь его мир может стать совершенно другого рода миром. Тогда в нем будет качество красоты, грации; в нем будет великое сияние, и каждое сердце будет гореть огнем. И как только ты узнаешь этот огонь, пламя продолжает расти. Пламя любви растет точно как деревья; пламя любви приносит цветы и плоды, точно как деревья.

Но то, что вы считаете любовью, – не любовь. Именно поэтому случаются такие странные опыты. Кто-то тебе говорит: «Какая ты красивая! Я тебя так люблю, и такой женщины, как ты, нет во всей вселенной». И ты никогда не возражаешь: «Ты не имеешь права говорить такие вещи, потому что не знаешь женщин всей вселенной». Когда говорятся такие красивые вещи, человек совершенно забывает об их иррациональности.

Эти люди узнают их из фильмов, романов – но все эти диалоги ничего не значат. Они просто подразумевают: «Пойдем в постель!» Но поскольку мы цивилизованные люди, то не можем никому сказать «Пойдем в постель», не предварив этого некоторым введением, не совершив небольшого предисловия. Женщина побежит в полицию и скажет: «Этот мужчина говорит мне что-то очень уродливое!» Но если ты продолжаешь вести себя цивилизованно, сначала немного мороженого, – это прохлаждает сердце, – принеси розы, скажи какую-то сладкую ерунду... Оба понимают, что в конце концов все кончится утренним похмельем, головной болью, мигренью, и утром вы посмотрите друг на друга с неловкостью: что вы делали в постели? Один спрячется за газетой, словно ее читает, а другая начнет готовить чай или кофе, просто чтобы так или иначе забыть, что случилось.

Дальше Мирдад говорит:

Мужчина, поработанный любовью женщины, или женщина, поработанная любовью мужчины, в равной мере не годятся для драгоценной короны свободы.

В то мгновение, когда любовь становится привязанностью, любовь становится отношениями. В то мгновение, когда любовь становится требовательной, это тюрьма. Она разрушила

твою свободу; ты не можешь лететь в небо, ты в клетке. И интересно... особенно мне интересно. Людям интересно, что я делаю один у себя в комнате. И мне тоже интересно – что все эти люди делают вместе? Один я совершенно как дома. Если есть кто-то еще, есть проблемы; что-то случится. Если есть другой, не может сохраняться молчание: другой что-то спросит, что-то скажет, что-то сделает, заставит *тебя* что-то сделать. Более того, если один и тот же человек продолжает постоянно, день за днем...

Человек, который изобрел двуспальную кровать, был одним из величайших врагов человечества. Даже в постели – никакой свободы! Ты не можешь двигаться; другой всегда рядом. И в большинстве случаев другой занимает большую часть места. Если тебе удастся заполучить немного места, тебе повезло – и помни, другой постоянно растет. Это очень странный мир, где женщины продолжают расти, а мужчины – сжиматься. И во всем виноват мужчина – он делает этих женщин толстыми, беременными. Еще больше проблем ждет впереди. Если два человека, мужского и женского пола, помещены вместе, вскоре появится третий. Если он не появляется, соседи тревожатся: «В чем дело? Почему не появляется ребенок?»

Я жил со многими людьми, во многих местах. Я был удивлен – почему все люди так тревожатся о том, чтобы создавать проблемы другим? Если кто-то не женат, они беспокоятся: «Почему ты не женишься?» – как будто брак это какой-то вселенский закон, которому нужно следовать. Измученный всеми и каждым, человек начинает думать, что ему лучше жениться – по крайней мере, все эти люди перестанут его мучить. Но это ошибка: как только ты женишься, они начинают спрашивать: «Когда будет ребенок?»

Теперь уже это очень трудная проблема. Это не в твоих руках: ребенок может родиться, может не родиться, – и он родится в свое время. Но эти люди будут тебя донимать... «Дом – не дом без ребенка». Это правда, потому что без ребенка дом кажется таким молчаливым; с появлением ребенка дом кажется сумасшедшим домом! И чем больше детей, тем более умножаются проблемы.

Я сижу в молчании в своей комнате всю мою жизнь. Я никого не беспокою, никогда никого не спрашиваю: «Почему ты не женишься, почему не рождаешь ребенка?» Потому что я не считаю цивилизованным задавать такие вопросы, осведомляться о таких вещах; это значило бы вмешиваться в свободу другого.

И люди продолжают жить со своими женами, со своими детьми, и поскольку присутствие каждого нового члена семьи, которых становится все больше, многое потревожит, ты автоматически будешь становиться менее и менее чувствительным. Ты меньше слышишь, меньше видишь, меньше чувствуешь запах, меньше чувствуешь вкус.

Ты не используешь органы чувств во всей их интенсивности. Именно поэтому когда кто-то впервые влюбляется, это можно заметить: у него светится лицо. В его походке заметна новая свежесть, танец; ты видишь, что у него правильно завязан галстук, одежда хорошо отутюжена. Что-то случилось. Через неделю снова воцаряется скука; ты снова видишь, что снова начала собираться пыль. Свет погас; снова он тащится, не танцует. Цветы по-прежнему цветут, но он не видит их красоты. Звезды провоцируют его, но он не смотрит на небо.

Есть миллионы людей, которые никогда не смотрели вверх; их глаза приклеены к земле, словно они боятся, чтобы на них не упала какая-нибудь звезда. Очень немногие люди любят спать под открытым небом, со звездами... – страх безграничности, одиночества, темноты.

И миллионы людей продолжают жить, глубоко внутри чувствуя, что если бы они остались одни, если бы они не заботились о любви и браке... но теперь ничего не сделаешь. Ты не можешь обратить все вспять; ты не можешь снова стать холостяком. Фактически, ты можешь до такой степени привыкнуть к тюрьме, что не сможешь больше ее покинуть. Это своего рода защищенность; она уютна, хотя и несчастна. Одеяло прогнило, но двуспальная постель... – по крайней мере, ты не один в своем несчастье, кто-то его с тобой делит. Фактически, кто-то создает его для тебя, а ты создаешь его для него.

Любовь должна быть такого качества, чтобы она приносила свободу, не новые цепи; любовь дает тебе крылья и поддерживает в том, чтобы летать как можно выше.

Но мужчина и женщина, слившиеся воедино в любви, неразделимые, неопределимые, – более всех достойны этой награды.

Эта «Книга Мирдада» – одна из тех книг, которые будут жить вечно, – или пока не исчезнет на земле последнее человеческое существо. Но человека, который написал эту книгу, совершенно забыли. Мирдад – это вымысел, Мирдад – это имя героя книги. Человек, написавший эту книгу... его звали Михаил Наими, но это имя несущественно. Это великая книга, и она больше него самого. Он всю жизнь пытался снова создать что-то подобное, но терпел поражение. Он написал много других книг, но «Книга Мирдада» остается Эверестом. Другие книги – небольшие холмы, и они не имеют большого значения.

Если любовь понимать как встречу двух душ – не просто сексуальную, биологическую встречу мужских и женских гормонов – тогда любовь может дать тебе великие крылья, великие прозрения в жизнь. И тогда впервые влюбленные могут быть друзьями. Обычно они остаются переодетыми врагами.

Религии и так называемые святые, которые бежали от мира, трусы, которые не могут смотреть в лицо жизни, отравили всю идею любви как единственной духовности. Они осудили секс, и с осуждением секса была осуждена и любовь, потому что люди думают, что секс и любовь – это синонимы. Это не так. Секс – это очень небольшая часть твоей биологической энергии. Любовь – это все твое существо, любовь – это твоя душа. Тебе придется узнать, что секс – это только потребность общества, расы, продолжать себя – ты можешь в этом участвовать, если хочешь. Но нельзя избегать любви. В то мгновение, как ты начинаешь избегать любви, все твое творчество умирает, и все твои органы чувств теряют чувствительность; тебя покрывает толстый слой пыли. Ты становишься живым мертвецом.

Да, ты дышишь, ты ешь и каждый день ходишь в контору, пока не приходит смерть и не освобождает тебя от скуки, которую ты носил с собой всю жизнь.

Если у тебя нет ничего кроме секса, у тебя вообще ничего нет; тогда ты только инструмент воспроизведения биологии, вселенной. Ты только машина, фабрика. Но если ты можешь постичь любовь как свое настоящее существо, и любовь к другому человеку – как глубокую дружбу, как танец двух сердец вместе в такой синхронности, что они почти становятся одним, тебе не нужно никакой другой духовности. Ты ее нашел.

Любовь ведет к предельному опыту – называемому Богом, называемому абсолютным, называемому истиной. Это только названия. Фактически, у предельного нет имени; оно безымянно, но к нему ведет любовь.

Если ты думаешь только о сексе и никогда не приходишь к осознанию любви, ты просто спускаешь себя на ветер. Да, ты произведешь детей, проживешь в несчастье и будешь играть в карты, смотреть фильмы и ходить на футбол, и переживешь великие опыты тщетности, скуки, войны, с постоянным фоном тревоги, которую экзистенциалисты называют *Angst* (от англ. – страх, тревожность, беспокойство). Но ты никогда не узнаешь настоящей красоты существования, настоящего молчания и мира космоса.

Любовь может сделать это возможным.

Но помни, любовь не знает никаких границ. Любовь не может быть ревнивой, потому что любовь не может владеть. Ты кем-то владеешь – это значит, ты кого-то убил и превратил его в собственность.

Владеть можно только вещами. Любовь дает свободу. Любовь есть свобода.

Вопросы

Пожалуйста, будь так любезен и расскажи о разнице между здоровой любовью к себе и эгоистической гордостью.

Разница между ними огромна, хотя они и кажутся похожими. Здоровая любовь к себе – это великая духовная ценность. Человек, который не любит себя, не сможет любить и никого другого, никогда. Первая волна любви должна возникнуть в твоём собственном сердце. Если в тебе не возникает любви к себе самому, не может возникнуть любви и ни к кому другому, потому что все остальные люди от тебя дальше, чем ты сам.

Человек должен любить свое тело, человек должен любить свою душу, человек должен любить всю свою целостность. И это естественно; иначе ты вообще не сможешь выжить. И это красиво, потому что это украшает тебя. Человек, который любит себя, становится изящным, элегантным. Человек, который любит себя, обязательно станет более молчаливым, более медитативным, более молитвенным, чем тот, кто себя не любит.

Если ты не любишь свой дом, ты не будешь его убирать; если ты не любишь свой дом, ты не будешь его красить; если ты его не любишь, ты не окружишь его прекрасным садом с лотосовым прудом. Если ты любишь себя, то создашь вокруг себя сад. Ты попытаешься взрастить свой потенциал, попытаешься выразить все, что ждет в тебе выражения. Если ты себя любишь, то будешь продолжать поливать себя, питать себя.

И если ты любишь себя, ты удивишься: тебя будут любить другие. Никто не любит человека, который не любит себя сам. Если даже ты не можешь себя любить, кто еще будет об этом беспокоиться?

И человек, который не любит себя, не может оставаться нейтральным. Помни, в жизни нигде нет нейтральности. Человек, который не любит себя, ненавидит – ему придется ненавидеть; жизнь не знает никакой нейтральности. Жизнь – это всегда выбор. Если ты не любишь, это не значит, что ты можешь просто оставаться в этом не-любящем состоянии. Нет, ты будешь ненавидеть. А человек, который ненавидит себя, становится разрушительным. Человек, который ненавидит себя, будет ненавидеть всех остальных – он такой злой, насильственный, он остается в постоянной ярости. Человек, который ненавидит себя... как он может надеяться, что его будут любить другие? Вся его жизнь разрушена. Любить себя – огромная духовная ценность.

Я учу любви к себе. Но помните, любовь к себе не подразумевает эгоистической гордости, совсем нет. Фактически, она подразумевает прямо противоположное. Человек, который любит себя, находит, что в нем нет никакого «Я». Любовь всегда расплавляет «Я» – и это один из алхимических секретов, которым нужно научиться, которые нужно понять, пережить. Любовь всегда расплавляет «Я». Каждый раз, когда ты любишь, «Я» исчезает. Ты любишь женщину, и по крайней мере на несколько мгновений, когда есть настоящая любовь к этой женщине, в тебе нет «Я», нет никакого эго.

Эго и любовь не могут существовать вместе. Они как свет и темнота: когда приходит свет, темнота исчезает. Если ты любишь себя, ты удивишься – любовь к себе означает, что «ты сам» исчезаешь. В любви к себе нет никакого «себя». Это парадокс: любовь к себе совершенно лишена «себя». Она не самовлюбленна – потому что где бы ни был свет, там не может быть темноты, и где бы ни была любовь, там не может быть эго. Любовь расплавляет замороженное эго. Эго подобно кристаллу льда, а любовь – утреннему солнцу. Теплота любви... и эго начинает таять. Чем более ты любишь себя, тем меньше находишь в себе эго, и тогда эта любовь становится великой медитацией, великим скачком в божественность.

И ты это знаешь! Может быть, ты в первый раз слышишь, что это относится и к любви в себе – ведь ты никогда не любил себя. Но ты любил других людей; наверное, с тобой случались проблески. Наверное, были редкие мгновения, когда, на мгновение, тебя не было, и была только любовь. Только энергия любви, текущая, без центра, из никуда в никуда. Когда двое влюбленных сидят вместе, вместе сидят два ничто, два нуля – и в этом красота любви, это делает тебя совершенно лишенным эго.

Поэтому помни, эгоистическая гордость – это ни в коем случае не любовь к себе. Эгоистическая гордость – это прямо противоположное. Человек, которому не удастся любить себя, становится эгоистичным. Эгоистическая гордость – это то, что психоаналитики называют нарциссическим образом жизни, нарциссизмом.

Наверное, вы слышали притчу о Нарциссе: он влюбился в самого себя. Глядя в тихую заводь, он влюбился в свое собственное отражение. Увидьте разницу: человек, который любит себя, любит не свое отражение; он просто любит *себя*. Не нужно никакого зеркала; он знает себя изнутри. Разве ты не знаешь себя, не знаешь, что ты есть? Нужно ли тебе доказательство, что ты есть? Нужно ли тебе зеркало, чтобы знать, что ты существуешь? Если бы зеркала не было, усомнился бы ты в своем существовании?

Нарцисс влюбился в собственное отражение – не в себя. Это не настоящая любовь к себе. Он влюбился в отражение; отражение – это другой. Он стал двумя, он стал раздвоенным. Нарцисс был расщеплен. Он был в состоянии своеобразной шизофрении. Он стал двумя – влюбленным и любимым. Он стал объектом собственной любви – и именно это происходит со многими людьми, которые думают, что влюблены.

Когда ты влюбляешься в женщину, наблюдай, будь бдителен – это может быть не что иное, как нарциссизм. Лицо этой женщины, ее глаза, ее слова могут просто действовать как озеро, в котором ты видишь собственное отражение. Вот мое собственное наблюдение: из сотни случаев любви девяносто девять нарциссичны. Люди любят не женщину, которая реально существует. Они любят чувство собственной важности, которое эта женщина им дает, внимание, которое эта женщина им дает, лесть, которую эта женщина изливает на мужчину. Женщина льстит мужчине, мужчина льстит женщине – это взаимная лесть. Женщина говорит: «Ты красивее всех на свете. Ты просто чудо! Ты величайших из всех, кого только создал Бог. Даже Александр Великий – ничто в сравнении с тобой». И ты раздуваешься, и твоя грудь расправляется, и голова начинает пухнуть – в ней нет ничего, кроме соломы, но солома придает объем. И ты говоришь женщине: «Ты величайшее творение Бога. Даже Клеопатра – ничто в сравнении с тобой. Я не могу поверить, что Бог когда-нибудь создаст что-нибудь лучше тебя. Никогда больше не будет такой красивой женщины».

Именно это вы называете любовью! Это нарциссизм – мужчина становится заводью и отражает женщину, и женщина становится заводью и отражает мужчину... Фактически, не только отражает истину, но и украшает ее, тысячей и одним способом заставляет выглядеть красивее и красивее. Именно это люди называют любовью. Это не любовь; это взаимное удовлетворение эго.

Настоящая любовь ничего не знает об эго. Настоящая любовь начинается с любви к себе.

Естественно, у тебя есть это тело, это существо, и ты в нем укоренен – наслаждайся им, лелей его, празднуй его! И нет никакой речи о гордости или эго, потому что ты не сравниваешь себя ни с кем другим. Эго приходит из сравнения. Любовь к себе не знает никакого сравнения – ты есть ты, вот и все. Ты не говоришь, что кто-то другой ниже тебя; ты вообще не сравниваешь. Каждый раз, когда приходит сравнение, знай точно, что это не любовь; где-то скрывается трюк, тонкая стратегия эго.

Эго живет в сравнении. Когда ты говоришь женщине: «Я тебя люблю», – это одно; когда ты говоришь женщине: «Клеопатра ничто в сравнении с тобой», – это другое – совершенно другое, прямо противоположное. Зачем вносить в это Клеопатру? Разве ты не можешь любить

эту женщину, не внося Клеопатры? Клеопатра вносится, чтобы раздуть эго. Люби *этого* мужчину – зачем вносить Александра Великого?

Любовь не знает никакого сравнения; любовь просто любит, не сравнивая.

Таким образом, каждый раз, когда возникает сравнение, помни, это эгоистическая гордость. Это нарциссизм. И каждый раз, когда нет никакого сравнения, помни, это любовь, будь это любовь к себе или к другому.

В настоящей любви нет никакого разделения. Влюбленные сплавляются друг с другом. В эгоистической гордости есть огромное разделение, разделение между влюбленным и любимым. В настоящей любви нет связи. Позвольте мне это повторить: в настоящей любви нет связи, потому что нет двух человек, которые могли бы быть связаны. В настоящей любви есть только любовь, цветение, аромат, сплавление, слияние. Только в эгоистической любви есть два человека, влюбленный и любимый. И каждый раз, когда есть влюбленный и любимый, любовь исчезает. Каждый раз, когда есть любовь, влюбленный и возлюбленный, – оба они исчезают в любви.

Любовь – это такое огромное явление; ты не можешь в ней выжить.

Настоящая любовь всегда в настоящем. Эгоистическая любовь всегда либо в прошлом, либо в будущем. В настоящей любви есть страстная прохлада. Это выглядит парадоксальным, но все великие реальности жизни парадоксальны; поэтому я называю это страстной прохладой: есть тепло, но нет жара. Тепло, несомненно, есть, но есть и прохлада, очень собранное, спокойное, прохладное состояние. Любовь делает человека менее лихорадочным. Но если любовь не настоящая, а эгоистическая, в ней есть огромный жар. В ней есть страсть, подобная лихорадке, и нет совершенно никакой прохлады.

Если ты можешь помнить эти вещи, у тебя будет критерий, чтобы судить. Но человек должен начинать с себя, другого пути нет. Человек должен начинать там, где он находится.

Люби себя, люби безмерно, и в этой любви твоя гордость, эго и вся эта ерунда исчезнут. И когда они исчезнут, твоя любовь начнет достигать других людей. И это будет не связь, но щедрость. Это будет не связь объекта и субъекта, но сплавление, слияние. Любовь не будет лихорадочной, это будет прохладной страстью. Она будет теплой и прохладной одновременно. Она даст тебе первый вкус парадоксальности жизни.

Почему любить так больно?

Любить больно, потому что любовь прокладывает дорогу для блаженства. Любить больно, потому что любовь трансформирует; любовь – это мутация. Любая трансформация болезненна, потому что старое нужно оставить ради нового. Старое знакомо, безопасно, надежно, новое абсолютно неизвестно. Ты движешься в необозначенные на картах океаны. Ты не можешь применять ум в новом; в новом ум совершенно бесполезен.

Поэтому возникает страх, и в расставании со старым, удобным, надежным миром, миром удобства, возникает боль. Это та же самая боль, которую чувствует ребенок, когда появляется на свет из утробы матери. Это та же самая боль, которую чувствует птица, вылупляясь из яйца. Темнота неизвестного и ненадежность неизвестного, и непредсказуемость неизвестного очень пугают человека.

И поскольку трансформация движется от «Я» к состоянию «не-Я», агония очень глубока. Но ты не можешь достичь экстаза, не пережив агонии. Если золото хочет быть очищенным, оно должно пройти через огонь.

Любовь – это огонь.

Именно из-за боли миллионы людей живут жизнью, лишенной любви. Они тоже страдают, и их страдание напрасно. Страдать в любви значит страдать не напрасно. Страдание любви творческое; оно приводит тебя на высшие уровни сознания. Страдание от отсутствия

любви – это совершенно пустая трата; оно никуда тебя не ведет, оно заставляет тебя продолжать двигаться в порочном круге.

Человек, который живет без любви, нарциссичен, закрыт. Он знает только себя. А насколько он может знать себя, если он никогда не знал другого? – потому что только другой может действовать как зеркало. Ты никогда не узнаешь себя, не узнав другого. Любовь – это сама основа самопознания. Человек, который не узнал другого в глубокой любви, в интенсивной страсти, в совершенном экстазе, не сможет узнать, кто такой он сам, потому что у него не будет зеркала, чтобы увидеть собственное отражение.

Отношения – это зеркало, и чем чище любовь, чем выше любовь, тем лучше зеркало, тем чище зеркало. Но высшая любовь требует, чтобы ты оставался открытым. Высшая любовь требует, чтобы ты был уязвимым. Тебе придется отбросить всю броню; это больно. Тебе придется перестать быть постоянно на страже. Тебе придется отбросить расчетливый ум. Тебе придется рискнуть. Тебе придется жить опасно. Другой может тебя ранить; поэтому страшно быть уязвимым. Другой может тебя отвергнуть; поэтому страшно быть влюбленным.

Отражение, которое ты найдешь в другом, может оказаться уродливым – это вызывает тревогу; избегай зеркала! Но, избегая зеркала, ты не станешь красивее. Избегая ситуации, не будешь ты и расти. Вызов должен быть принят.

Человек должен двигаться в любовь. Это первый шаг к Богу, и его нельзя обойти стороной. Те, кто пытается избежать шага любви, никогда не достигнут Бога. Это абсолютная необходимость, потому что ты осознаешь свою тотальность, только когда тебя провоцирует присутствие другого, когда твое присутствие усиливается присутствием другого, когда другой выводит тебя из твоего нарциссического, замкнутого мира под открытое небо.

Любовь – это открытое небо. Быть влюбленным значит летать, как на крыльях. Но, конечно, безграничное небо вызывает страх.

Отбросить эго очень больно, потому что нас учили культивировать эго. Мы думаем, что это наше единственное сокровище. Мы его защищали; мы его украшали, мы его постоянно полировали. И когда любовь стучится в двери, все, что нужно, чтобы влюбиться, это отложить эго в сторону. Конечно, это больно. Это работа всей твоей жизни, это единственное, что ты только создал – это эго, эту идею: «Я отделен от существования».

Эта идея уродлива, потому что это неправда. Эта идея иллюзорна, но наше общество существует, основывается на этой идее: каждый человек – это человек, не присутствие.

Истина в том, что во всем мире нет ни единого человека; есть только присутствие. Тебя нет как эго, отдельного от существования. Ты – часть целого. Целое проникает в тебя, целое дышит в тебе, пульсирует в тебе, целое – это твоя жизнь.

Любовь впервые дает тебе опыт того, как быть сонастроенным с чем-то, кроме твоего собственного эго. Любовь дает тебе первый урок того, как прийти в гармонию с кем-то, кто никогда не был частью твоего эго. Если ты можешь быть в гармонии с женщиной, если ты можешь быть в гармонии с другом, с мужчиной, если ты можешь быть в гармонии с ребенком или с матерью, почему ты не можешь быть в гармонии со всеми человеческими существами? И если гармония с одним человеком приносит такую радость, что получится, если ты будешь в гармонии со всеми человеческими существами? А если ты можешь быть в гармонии со всеми человеческими существами, почему ты не можешь быть в гармонии с животными, птицами и деревьями? Один шаг ведет к другому.

Любовь – это лестница. Она начинается с одного человека, а заканчивается всей полнотой целого. Любовь – это начало, Бог – конец. Бояться любви, бояться растущей боли любви значит оставаться в запертой темной камере.

Современный человек живет в темной камере. Это нарциссично: нарциссизм – это величайшая одержимость современного ума.

И тогда появляются проблемы, которые бессмысленны. Есть проблемы, которые созидательны, потому что они ведут тебя к высшей осознанности. Есть проблемы, которые никуда тебя не ведут; они просто удерживают тебя скованным, они просто удерживают тебя в твоём прежнем хаосе. Любовь создает проблемы. Ты можешь избежать этих проблем, избегая любви, – но это жизненно важные проблемы! С ними нужно встретиться, столкнуться лицом к лицу; их нужно прожить и выйти за их пределы. А чтобы выйти за их пределы, нужно через них пройти. Любовь – это единственная реальная вещь, которая стоит того, чтобы ее пережить. Все остальное вторично. Если все остальное помогает любви, хорошо. Все остальные вещи – это только средства, любовь – это цель. Поэтому, как бы это ни было больно, иди в нее.

Если ты не идешь в любовь, как решили многие люди, тогда ты застреваешь в самом себе. Тогда твоя жизнь – это не паломничество, тогда твоя жизнь – это не река, текущая к океану; твоя жизнь – это застойное и мутное болото, и вскоре от тебя не останется ничего, кроме грязной лужи. Чтобы оставаться чистым, человеку нужно постоянно оставаться текучим. Река остается чистой, потому что продолжает течь. Поток – это процесс, в котором ты всегда остаешься девственным.

Любовь остается девственной – все влюбленные девственны. Люди, которые не любят, не могут оставаться девственными; они становятся застойными, стоячими; рано или поздно они начинают испускать зловоние, – и скорее рано, чем поздно, – потому что им некуда двигаться. Их жизнь мертва.

И именно в такой ситуации оказывается современный человек, и из-за этого начинают свирепствовать все виды неврозов, все виды безумия. Психологическая болезнь принимает масштабы эпидемии. Сейчас не несколько индивидуумов психологически больны; реальность в том, что вся земля стала сумасшедшим домом. Все человечество страдает от своего рода невроза, и этот невроз происходит из нарциссической застойности. Каждый застревает в собственной иллюзии того, что у него есть отдельное «Я»; люди сходят с ума. И это безумие бессмысленно, непродуктивно, неконструктивно.

Ты можешь покончить с собой, выпив яд, спрыгнув с высокого обрыва или застрелившись, но можешь сделать это и очень медленным процессом, и происходит именно это. Очень немногие люди совершают самоубийство внезапно. Другие выбирают медленное самоубийство; они умирают постепенно, мало-помалу. Но суицидальная тенденция стала почти вселенской.

Это не способ жить. И причина, основная причина состоит в том, что мы забыли язык любви. Мы больше не достаточно храбры для того, чтобы двигаться в приключение, называемое любовью.

Поэтому людей интересует секс – в сексе нет ничего рискованного. Он мгновенен, ты в него не вовлекаешься. Любовь – это вовлеченность, это преданность. Она не мгновенна. Как только она пускает корни, она может быть навсегда. Она может быть вовлеченностью длиной в целую жизнь. Любовь требует близости, и только в близости другой становится зеркалом. Когда ты сексуально встречаешься с мужчиной или женщиной, ты вообще не встречаешься; фактически, ты избегаешь души другого человека. Ты просто используешь его тело и убегаешь, и другой использует твоё тело и убегает. Вы никогда не становитесь достаточно близкими, чтобы открыть друг другу свои настоящие лица.

Любовь – это величайший дзэнский коан.

Любить больно, но не избегай любви. Если ты ее избегаешь, ты избежишь величайшей возможности расти. Иди в нее, страдай от любви, потому что из этого страдания приходит величайший экстаз. Да, есть агония, но из этой агонии рождается экстаз. Да, тебе придется умереть как эго, но если ты можешь умереть как эго, то родишься Богом, буддой.

А любовь дает тебе первое ощущение вкуса дао, суфизма, дзэн. Любовь даст тебе первое доказательство того, что жизнь не бессмысленна. Люди, которые говорят, что жизнь бессмысленна, не познали любви. Они просто тем самым говорят, что в их жизни не доставало любви.

Пусть будет боль, пусть будет страдание. Пройди через темную ночь, и ты достигнешь прекрасного восхода солнца. Только в утробе ночи развивается солнце. Только в темноте ночи приходит утро.

Весь мой подход – это подход любви. Я учу любви и только любви, ничему другому. Ты можешь забыть Бога; это пустое слово. Ты можешь забыть о молитвах, потому что это только ритуалы, навязанные тебе другими. Любовь – это естественная молитва, никем не навязанная. Ты с ней рождаешься. Любовь – это истинный Бог, не Бог теологов, но Бог Будды, Иисуса, Мухаммеда, Бог суфиев. Любовь – это средство, метод, чтобы убить тебя как отдельную индивидуальность и помочь тебе стать бесконечным. Исчезни, как капля росы, и стань океаном – но тебе придется войти в него через ворота любви.

И конечно, когда человек начинает исчезать, как капля, – а он долго жил каплей, – это ранит, потому что человек думал: «Я это, и теперь это уходит. Я умираю». Ты не умираешь, умирает только иллюзия. Ты отождествился с иллюзией, это правда, но иллюзия – это все же иллюзия. И тогда когда иллюзии не станет, ты сможешь увидеть, кто ты такой. И это откровение приведет тебя к вершине радости, блаженства, празднования.

Почему на греческом Дельфийском храме написано «Познай Себя», а не «Люби Себя»?

Греческий ум полон одержимости знанием. Греческий ум мыслит в терминах знания, как узнать. Именно поэтому греки произвели великую традицию философов, мыслителей, логиков – великие рациональные умы, но ими движет страсть знать.

В мире, как я его вижу, есть только два типа ума: греческий ум и индуистский. Греческий ум полон страсти узнать, индуистский ум полон страсти быть. Индуистский ум не слишком заботится о знании, но заботится о существе. *Сат*, бытие, составляет основу его поиска – «кто я?» Не познать это логически, но утонуть в собственном опыте, – чтобы человек мог испытать его на вкус, чтобы он мог быть этим – потому что, на самом деле, нет другого способа знать. Если ты спросишь индуистов, они скажут, что нет другого способа знать, кроме как быть. Как ты можешь знать любовь? Единственный способ – стать влюбленным. Будь влюбленным, и ты узнаешь. А если ты попытаешься стоять снаружи опыта и просто быть наблюдателем, то можешь узнать о любви, но никогда не узнаешь самой любви.

Греческий ум произвел весь рост науки. Современная наука – это побочное следствие греческого ума. Современная наука настаивает на том, чтобы бесстрастно стоять снаружи, наблюдать, оставаться неподвижным. Будь объективным, будь безличным – это основные требования, если ты хочешь быть ученым. Будь безличным, не позволяй эмоциям ничего окрашивать; будь бесстрастным, почти незаинтересованным ни в какой гипотезе. Просто наблюдай факт – не вовлекайся в него, оставайся снаружи. Не становись участником. Это греческая страсть: бесстрастный поиск знания.

Это помогло, но помогло лишь в одном направлении – и это направление материи. Это способ узнать материю. Таким образом ты никогда не узнаешь ум, только материю. Таким образом ты никогда не узнаешь сознания. Ты можешь узнать снаружи, но никогда не узнаешь изнутри – потому что внутри ты уже вовлечен. Нет способа стоять снаружи, ты уже внутри. Внутреннее – это ты сам, как ты можешь из него выйти? Я могу наблюдать камень, скалу, реку, бесстрастно, потому что я отделен. Как я могу бесстрастно наблюдать самого себя? Я в это вовлечен. Я не могу быть снаружи этого. Я не могу низвести себя до объекта. Я останусь субъектом и буду оставаться субъектом – что бы я ни сделал, я останусь знающим, не познаваемым.

Таким образом, греческий ум мало-помалу сместился в сторону материи. Девиз, начертанный на Дельфийском храме, «Познай себя», стал источником всего научного прогресса. Но мало-помалу сама идея бесстрастного знания увела западный ум прочь от его собственного существа.

Индуистский ум, ум другого типа, принял в мире другое направление. Это направление бытия. В Упанишадах великий мастер Удалак говорит своему сыну и ученику Светукету: «Ты есть это» – *Татвамаси Светукету*. Ты есть это – нет разделения между «этим» и «тобой». *Это* – твоя реальность; *Ты* – твоя реальность; нет никакого разделения. Нет никакой возможности знать это, как ты знаешь скалу. Нет никакой возможности знать это, как ты знаешь другие вещи; ты можешь только *быть* этим.

На Дельфийском храме, конечно, написано «Познай Себя». Это выражение греческого ума. Поскольку этот храм в Греции, надпись тоже греческая. Если бы этот храм был в Индии, на нем было бы написано «Будь Собой» – потому что *это есть ты*. Индуистский ум подходит ближе и ближе к собственному существу – именно поэтому он перестал быть научным. Он стал религиозным, но не научным. Он стал интровертным, но благодаря этому утратил все якоря во внешнем мире. Индуистский ум стал очень богатым внутри, но снаружи очень обеднел.

Нужен великий синтез, великий синтез между индуистским умом и греческим. Это может стать величайшим благословением для Земли. До сих пор это было невозможно, но теперь основные требования выполнены, и этот синтез возможен. Восток и Запад встречаются очень тонким образом. Восточные люди приезжают на Запад, чтобы учиться науке, чтобы стать учеными, а западные искатели движутся на Восток, чтобы узнать, что такое религия. Происходит великое смешение и слияние.

В будущем Восток не будет Востоком, а Запад – Западом. Земля станет огромной деревней – небольшим местом, где все разграничения исчезнут. И тогда впервые возникнет великий синтез, величайший из всех происшедших – который не будет мыслить в терминах крайностей, который не будет думать, что если ты идешь наружу, если ищешь знания, то потеряешь корни в существе; или, если ты ищешь в существе, то потеряешь корни в мире, в научном царстве. То и другое может существовать вместе, и там, где это случится, у человека будут оба крыла, чтобы лететь в высочайшие из всех небес. Иначе у вас будет только одно крыло.

Насколько я вижу, люди индуистского ума столь же однобоки, что и люди греческого. Те и другие обладают лишь половиной реальности. Религия – это половина; наука – это половина. Должно случиться что-то, что может свести религию и науку вместе, в одно великое целое, в котором наука не отрицает религию, а религия не отрицает науку.

«Почему на греческом Дельфийском храме написано «Познай Себя», а не «Люби Себя»?» «Любить Себя» возможно, только если ты становишься собой, если ты можешь «Быть Собой». Иначе это невозможно. Иначе единственной возможностью будет пытаться узнать, кто ты такой, – и это тоже снаружи; наблюдать снаружи, кто ты такой, – и это тоже будет объективным способом, не интуитивным.

Греческий ум развил огромную способность к логике. Аристотель стал отцом всей логики и всей философии. Восточный ум кажется нелогичным – он такой и есть. Само нахождение на медитации нелогично, потому что медитация говорит, что ты можешь знать, только когда ум отброшен, когда мышление отброшено, и ты сливаешься со своим существом так тотально, что нет ни единой мысли, чтобы тебя отвлечь. Только тогда ты можешь знать. А греческий ум говорит, что ты можешь знать, лишь если мышление чисто, логично, рационально, систематично. Индуистский ум говорит: «Когда мышление полностью останавливается, только тогда есть возможность знать». Это совершенно разные подходы, движущиеся в противоположных направлениях; но есть возможность их синтезировать.

Человек может использовать ум, работая над материей; тогда логика становится великим инструментом. И тот же человек может отложить ум в сторону, когда движется в простран-

ство медитации и не-ума. Потому что ум – это не ты, это только инструмент, точно как моя рука, как мои ноги. Если я хочу идти, я использую ноги, если я не хочу идти, я не использую ноги. Точно таким же образом ты можешь использовать ум логически, если пытаешься узнать о материи. Это совершенно правильно, это подходит. А когда ты движешься вовнутрь, отложи его в сторону. Теперь ноги не нужны – мышление не нужно. Теперь нужно глубокое, молчаливое состояние не-мысли.

И обе эти вещи могут произойти с одним и тем же человеком – когда я это говорю, я говорю это по собственному опыту. Я делал то и другое. Когда это нужно, я могу быть логичным как любой грек. Когда этого не нужно, я могу быть абсурдным, нелогичным как любой индус. Поэтому когда я это говорю, я это подразумеваю, и это не просто гипотеза. Я пережил это на опыте таким образом.

Ум можно использовать, а можно отложить в сторону. Это инструмент, очень красивый инструмент; но нет необходимости в том, чтобы быть им настолько одержимым. Не нужно так на нем фиксироваться, делать его навязчивой идеей. Тогда он становится болезнью. Просто представьте себе человека, который хочет сидеть, но не может, потому что говорит: «У меня есть ноги – как я могу сидеть?» И представьте человека, который хочет сидеть тихо и молчаливо, но не может, потому что говорит: «У меня есть ум». Это одно и то же.

Человек должен иметь такие способности, чтобы даже ближайший инструмент, ум, можно было отложить в сторону и выключить. Это можно сделать, и это делалось, но не в большом масштабе. Но масштаб будет больше и больше – именно это я пытаюсь делать здесь с вами. Я говорю, обсуждаю с вами проблемы – это логично, я использую ум. И потом я вам говорю: «Отбросьте ум и двигайтесь глубоко в медитацию. Если вы танцуете, танцуйте так тотально, чтобы внутри не было ни одной мысли, чтобы вся ваша энергия стала танцем. Или пойте, и тогда просто пойте. Или сидите, и тогда просто сидите – будьте в дзадзэн, не делайте ничего другого. Не позволяйте пройти ни одной мысли. Просто будьте тихими, абсолютно тихими». Это противоречивые вещи.

Каждое утро вы медитируете, и каждое утро приходите и слушаете меня. Каждое утро вы меня слушаете, потом идете и медитируете. Это противоречиво. Если бы я был просто греком, я говорил бы с вами, производил бы с вами логическое общение, но тогда я не советовал бы вам медитировать. Это глупо. Если бы я был индуистом, не было бы необходимости с вами говорить. Я могу сказать: «Просто идите и медитируйте, потому что какой смысл говорить? Человек должен стать молчаливым». Я – то и другое. И это моя надежда: что вы тоже станете тем и другим – потому что тогда жизнь обогащается, безмерно обогащается. Тогда вы ничего не упускаете. Тогда все впитывается; тогда вы становитесь великим оркестром. Тогда все полноты встречаются в вас.

Сама идея о том, чтобы «любить себя», с греческой точки зрения абсурдна, потому что греки скажут, – и будут логически правы, – что любовь возможна только между двумя людьми. Ты можешь любить кого-то другого, ты можешь любить даже своего врага, но как тогда ты можешь любить самого себя? Есть только ты один. Любовь может существовать только между двойственностью, полнотой; как ты можешь любить самого себя? Для греческого ума сама идея о том, чтобы любить себя, абсурдна: для любви нужен другой.

Для индусского ума... в Упанишадах говорится, что ты любишь свою жену не ради жены; ты любишь жену ради себя самого. В ней ты любишь самого себя. Ты любишь ее, потому что она дает тебе удовольствие, – но глубоко внутри любишь собственное удовольствие. Ты любишь сына, ты любишь друга, но не ради них, а ради самого себя. Глубоко внутри сын делает тебя счастливым, друг дает тебе утешение. Именно этого ты жаждешь. Поэтому в Упанишадах говорится, что на самом деле ты любишь самого себя. Даже если ты говоришь, что любишь других, это только способ любить самого себя, длинный, окольный путь к тому, чтобы любить самого себя.

Индуисты говорят, что нет никакой другой возможности: ты можешь любить только самого себя. А греки говорят, что совершенно невозможно любить самого себя, потому что для любви нужны как минимум двое.

Если ты спросишь меня... я и грек, и индуист. Если ты спросишь меня, я скажу, что любовь это парадокс. Это очень парадоксальное явление. Не пытайся низвести его до одного полюса; нужны оба полюса. Нужен другой, но в глубокой любви другой исчезает. Если ты наблюдаешь двух влюбленных, они двое и одно одновременно. Именно это и есть парадокс любви, и именно в этом ее красота – их двое, да, их двое; и все же их не двое, они одно. Если этого единства не случилось, любовь невозможна. Они могут делать что-то другое под названием любви. Если они все еще двое и в то же время не одно, тогда любовь не случилась. И если ты просто один, и больше никого нет, невозможна любовь и тогда.

Любовь – парадоксальное явление. Во-первых, для нее нужны двое, и во-вторых требуется, чтобы двое существовали как одно. Это величайшая загадка, величайшая головоломка.

Как я могу лучше любить?

Любови самой по себе достаточно. Она не нуждается в улучшении. Она совершенна такая, как есть; она ни в каком смысле не должна быть более совершенной. Само желание показывает непонимание любви и природы. Как ты можешь усовершенствовать круг? Все круги совершенны; если они не совершенны, это не круги. Совершенство свойственно кругу, и тот же закон верен в отношении любви. Ты не можешь любить меньше, не можешь любить больше – потому что это не количество. Это качество, которое неизмеримо.

Твой вопрос показывает, что ты никогда не переживал опыта любви и пытаешься скрыть свою «любовную недостаточность» за желанием знать, «как любить лучше». Ни один человек, который знает, что такое любовь, не мог бы задать такого вопроса.

Любовь нужно понимать не как биологическое волнение, это похоть. Это есть во всех животных; в этом нет ничего особенного; это есть в деревьях. Это способ, которым природа воспроизводит себя. В этом нет ничего духовного и ничего особенно человеческого. Поэтому прежде всего нужно сделать ясное и четкое разграничение между похотью и любовью. Похоть – это слепая страсть; любовь – это аромат молчаливого, мирного, медитативного сердца. Любовь не имеет ничего общего с биологией, химией или гормонами.

Любовь – это полет твоего сознания в высшие царства, за пределы материи и за пределы тела. В то мгновение, как ты понимаешь любовь как нечто трансцендентальное, любовь больше не становится основным вопросом. Теперь основной вопрос в том, как трансцендировать тело, как узнать в себе нечто запредельное – за пределами всего измеримого. Именно в этом смысл слова *материя*. Оно происходит от санскритского слова *матра*, которое означает измерение; оно означает то, что можно измерить. Слово *метр* произошло от того же корня. Основной вопрос в том, как выйти за пределы измеримого и войти в неизмеримое. Другими словами, как выйти за пределы материи и направить свой взгляд к большему сознанию. У сознания нет предела – чем более ты сознателен, тем более осознаешь, насколько большее возможно впереди. И когда ты достигаешь одной вершины, перед тобой появляется другая. Это вечное паломничество.

Любовь – это побочное следствие поднимающегося сознания. Она точно как аромат цветка. Не ищи его в корнях; его там нет. Твоя биология – это твои корни; твое сознание – это твое цветение. По мере того как ты становишься более и более раскрывшимся лотосом сознания, ты будешь удивлен – ошарашен – великим опытом, который можно назвать только любовью. Ты так полон радости, так полон блаженства, и каждый фибр твоего существа танцует в экстазе. Ты точно как дождевое облако, которое хочет пролиться.

В то мгновение, когда тебя переполняет блаженство, возникает великая жажда им поделиться. Когда ты им делишься – это и есть любовь.

Любовь – не что-то такое, что ты можешь получить от кого-то, кто не достиг блаженства. И в этом несчастье всего мира: каждый просит любви и притворяется любящим. Ты не можешь любить, потому что не знаешь, что такое сознание. Ты не знаешь *сатъям, шивам, сундарам*; ты не знаешь истины, ты не знаешь опыта божественного и не знаешь аромата красоты. Что ты можешь дать? Ты такой пустой, такой полый... Ничто не растет в твоём существе, ничто не зеленеет. У тебя внутри нет цветов; твоя весна еще не пришла.

Любовь – это побочное следствие. Когда приходит весна, и ты внезапно начинаешь цвести, распускаться и высвобождать потенциальный аромат – делиться этим ароматом, делиться этим изяществом, делиться этой красотой – это и есть любовь.

Не хочу тебя обидеть, но я ничего не могу сделать, я должен сказать тебе правду: ты не знаешь, что такое любовь. Ты не можешь этого знать, потому что еще не вошел глубже в сознание. Ты не пережил опыта самого себя, ты ничего не знаешь о том, кто ты такой. В этой слепоте, в этом невежестве, в этой бессознательности любовь не растет. Место, в котором ты живешь, – пустыня. В этой темноте, в этой пустыне нет никакой возможности того, чтобы расцвела любовь.

Сначала ты должен стать полным света, полным радости – полным настолько, чтобы они начали переполнять тебя. Это переполнение энергией и есть любовь. Тогда любовь познается как величайшее в мире совершенство. Она никогда не меньше, никогда не больше.

Но само твоё воспитание так невротично, так психологически нездорово, что разрушает все возможности внутреннего роста. Тебя с самого начала учат быть перфекционистом, и тогда, естественно, ты начинаешь применять свои невротические идеи ко всему, даже к любви.

На днях я прочитал такую фразу: *Перфекционист – это человек, который подвергает себя большим мучениям, и еще большим мучениям подвергает других*. А в результате получается просто несчастный мир!

Каждый пытается быть совершенным. А в то мгновение, когда кто-то пытается быть совершенным, он начинает ожидать, чтобы совершенными были все остальные. Он начинает осуждать людей, он начинает унижать людей. Именно это веками делали ваши так называемые святые. Именно это с вами сделали ваши так называемые религии – отравили ваше существо идеей совершенства.

Поскольку ты не можешь быть совершенным, ты начинаешь чувствовать себя виноватым, теряешь уважение к себе. А человек, который потерял уважение к себе, потерял все человеческое достоинство. Твоя гордость раздавлена, твоя человечность уничтожена такими красивыми словами, как совершенство.

Человек не может быть совершенным. Да, есть вещи, которые человек может пережить, но которые находятся за пределами обычной концепции человека. Пока человек не испытает нечто от божественного, он не может знать совершенства.

Совершенство – это не что-то подобное дисциплине; это не что-то такое, что ты можешь практиковать. Это не что-то такое, что ты должен репетировать. Но именно этому учат каждого, и в результате получается мир, полный лицемеров, которые прекрасно знают, что они полны и пусты, но продолжают притворяться, что в них есть все возможные качества, которые на самом деле – не более чем пустые слова.

Когда ты кому-то говоришь: «Я тебя люблю», – думал ли ты когда-нибудь, что ты под этим подразумеваешь? Только биологическое влечение между двумя полами? Тогда, как только ты удовлетворишь свой животный аппетит, вся так называемая любовь исчезнет. Это был только голод, ты удовлетворил голод, и все кончено. Та же самая женщина, которая казалась самой красивой в мире, тот же самый мужчина, который выглядел, как Александр Великий, – но вдруг ты начинаешь думать о том, как избавиться от этой женщины или этого парня!

Очень просветляющее письмо Пэдди написал своей возлюбленной Маврин:

Дорогая Маврин,

Ради тебя я взобрался бы на самую высокую гору и переплыл бы самое широкое море. Я вынес бы любые лишения за мгновение рядом с тобой.

P. S. Я зайду встретиться с тобой в четверг, если не будет дождя.

В то мгновение, когда ты кому-то говоришь: «Я тебя люблю», – ты не знаешь, что говоришь. Ты не знаешь, что это просто похоть, скрывающаяся за прекрасным словом «любовь». Она исчезнет. Она очень мгновенна.

Любовь – это нечто вечное. Это опыт будд, не бессознательных людей, которые наполняют мир. Лишь очень немногие люди в мире полны любви. Лишь очень немногие люди познали, что такое любовь, и это те самые люди, которые более всех пробуждены, более всех просветлены, – высочайшие вершины человеческого сознания.

Если ты действительно хочешь знать любовь, забудь о любви и помни медитацию. Если ты хочешь принести розы в свой сад, забудь о цветах розы и позаботься о розовом кусте. Дай ему питание, поливай его, позаботься о том, чтобы он получал нужное количества солнца, воды. Если обо всем позаботиться, когда придет время, обязательно появятся и розы. Нельзя вызвать их цветение раньше времени, нельзя принудить их раскрыться скорее. И нельзя попросить розовый куст быть более совершенным.

Видел ли ты когда-нибудь розовый куст, который не был бы совершенным? Чего же большего ты хочешь? Каждый розовый куст совершенен в своей уникальности. Танцует на ветру, под дождем, на солнце... неужели ты не видишь этой великой красоты, этой абсолютной радости? Небольшой, обычный розовый куст излучает скрытое великолепие существования.

Любовь – это роза твоего существа. Но подготовь свое существо – рассей темноту и бессознательность. Становись более и более бдительным и осозанным, и любовь придет сама собой, в свое время. Тебе не нужно о ней беспокоиться. И когда бы она ни пришла, она всегда будет совершенной.

Любовь – это духовный опыт, не имеющий ничего общего с полами и телами, но связанный с глубочайшим внутренним существом. Но ты не вошел еще даже в свой собственный храм. Ты совсем не знаешь, кто ты такой, а пытаешься узнать, как лучше любить. Сначала будь собой; прежде всего узнай себя, и любовь придет как награда. Это награда из запредельного. Она изливается на тебя, наполняет твое существо. И она продолжает на тебя изливаться, и вместе с ней приходит великая жажда ею поделиться.

На человеческом языке на эту жажду можно назвать только словом *любовь*. Это мало что говорит, но указывает в правильном направлении.

Любовь – это тень бдительности, сознания. Будь более сознательным, и любовь начнет появляться по мере того, как ты становишься более сознательным. Это гость, который приходит, обязательно приходит к тем, кто готов его принять. Ты не готов еще даже его узнать! Если любовь придет к твоим дверям, ты не узнаешь ее. Если любовь постучится в твои двери, ты можешь найти тысячу и один предлог; ты не откроешь двери. И даже если ты откроешь двери, то не узнаешь любовь, потому что никогда раньше не видел любви; как ты можешь ее узнать?

Ты можешь узнать только то, что уже знаешь. Когда любовь приходит впервые и наполняет твое существо, ты абсолютно ошеломлен ее тайной. Ты не знаешь, что происходит. Ты знаешь, что твое сердце танцует, ты знаешь, что тебя окружает небесная музыка, ты знаешь ароматы, которых никогда не знал раньше. Но некоторое время требуется для того, чтобы связать все эти опыты вместе и вспомнить, что, может быть, именно это и есть любовь. Мало-помалу это просачивается в твое существо.

Только мистики знают любовь. Кроме мистиков, нет категории человеческих существ, которые переживали бы любовь. Любовь – это абсолютная монополия мистиков. Если ты хочешь узнать любовь, тебе придется войти в мир мистика.

Иисус говорит: «Бог есть любовь». Он был учеником мистической школы ессеев, древней школы мистиков. Но, может быть, он не закончил мистической школы, потому что то, что он говорит, не совсем правильно. Не Бог есть любовь, любовь есть Бог – и разница огромна; это не просто перемещение слов. В то мгновение, когда ты говоришь, что Бог есть любовь, ты просто говоришь, что любовь – это только один из атрибутов Бога. Он также и мудрость, Он также и сострадание, и прощение, Он может быть миллионами других вещей, кроме любви; любовь – это только один из атрибутов Бога.

Фактически даже делать любовь небольшим атрибутом Бога неправильно, потому что если Бог есть любовь, тогда Он не может быть «справедливым». Если Бог есть любовь, тогда Он не может быть достаточно жестоким, чтобы бросить грешников в вечный ад. Если Бог есть любовь, тогда Бог не может быть законом. Один из великих суфийских мистиков, Омар Хайам, показывает больше понимания, чем Иисус, когда говорит: «Я буду просто продолжать быть собой. Я не собираюсь обращать никакого внимания на священников и проповедников, потому что доверяю Богу и верю, что любовь Бога достаточно велика. Я не могу совершить греха большего, чем его любовь. Так о чем беспокоиться? – наши руки так малы, и наши грехи так малы. Пределы нашей досягаемости так малы; как мы можем совершить грехи, которых Бог не может простить? Если Бог есть любовь, тогда Он не может присутствовать на последнем судном дне, чтобы отделить святых и бросить навечно в ад миллионы и миллионы других людей».

Учение ессеев прямо противоположно; Иисус цитирует их неправильно. Может быть, он не был глубоко укоренен в их учениях. Их учением было: «Любовь есть Бог». Это так глубоко отличается. Теперь Бог становится только атрибутом любви; теперь Бог – только качество этого огромного опыта любви. Теперь Бог – больше не человек, но только опыт тех, кто познал любовь. Теперь Бог становится вторичным по отношению к любви. И я вам говорю, ессеи правы. Любовь – это предельная ценность, конечное цветение. Нет ничего за ее пределами; поэтому ты не можешь ее усовершенствовать.

Фактически, прежде чем этого достигнуть, тебе придется исчезнуть. Когда будет любовь, не будет тебя.

Великий восточный мистик Кабир сказал очень значительные слова – слова, которые может сказать лишь тот, кто пережил опыт, кто реализовал, кто вошел в святая святых предельной реальности. Вот эти слова: «Я искал истину, но, странно сказать, пока был ищущий, истина не находилась. А когда истина была найдена, я оглянулся вокруг... Я отсутствовал. Когда истина была найдена, ищущего больше не было; а когда ищущий был, не было истины».

Истина и ищущий не могут существовать вместе. «Ты» и любовь не могут существовать вместе. Невозможно никакое сосуществование: либо «ты», либо любовь; ты можешь выбрать. Если ты готов исчезнуть, расплавиться и слиться, чтобы от тебя осталось только чистое сознание, любовь расцветет. Ты не можешь ее усовершенствовать, потому что тебя не будет. И прежде всего она не нуждается в усовершенствовании; она всегда приходит совершенной.

Но любовь – это одно из тех слов, которые каждый использует и никто не понимает. Родители говорят детям: «Мы вас любим», – а это те самые люди, которые разрушают детей. Это те самые люди, которые дают детям все возможные предрассудки, все возможные мертвые суеверия. Это те самые люди, которые обременяют детей всем возможным грузом мусора, который носили многие поколения и каждое поколение передавало следующему. Это безумие продолжается... груз продолжает становиться громаднее и громаднее.

И все же родители думают, что любят своих детей. Если бы они действительно любили детей, они не хотели бы, чтобы дети были их собственными образами, потому что они сами просто несчастны и ничего больше. Каким был их опыт жизни? Сущее несчастье, страдание...

жизнь была для них не благословением, а проклятием. И все же они хотят, чтобы их дети были точно, как они сами.

Я был гостем в одной семье. Я сидел вечером в саду. Солнце садилось, вечер был красивый и тихий. Птицы возвращались на деревья, и маленький ребенок этой семьи сидел рядом со мной. Я просто спросил его:

– Знаешь ли ты, кто ты такой?

Дети яснее, восприимчивее, чем взрослые, потому что взрослые уже отравлены, развращены, загрязнены всеми видами идеологий, религий. Этот маленький ребенок посмотрел на меня и сказал:

– Ты задаешь мне очень трудный вопрос.

– В чем же трудность? – спросил я.

– Трудность в том, – сказал он, – что я единственный ребенок моих родителей, и, насколько я только помню, каждый раз, когда приходят какие-то гости, кто-то говорит, что носом я похож на отца, кто-то говорит, ртом я похож на мать, кто-то говорит, лицом я похож на дядю. И я не знаю, кто я такой, потому что никто никогда не говорит ни о чем во мне, что похоже на меня самого.

Но именно это делают с каждым ребенком. Вы не оставляете ребенка в покое, чтобы он пережил самого себя, вы не позволяете ребенку стать самим собой. Вы продолжаете нагружать ребенка своими неосуществленными амбициями. Каждый родитель хочет, чтобы ребенок был его собственным подобием.

Но у ребенка есть свое собственное предназначение; если он станет твоим подобием, он никогда не станет самим собой. А не став самим собой, ты никогда не испытаешь удовлетворенности; ты никогда не будешь чувствовать себя как дома в существовании. Ты всегда будешь оставаться в состоянии, когда тебе чего-то не хватает.

Твой отец и мать тебя любят, и они говорят тебе, что ты тоже должен их любить, потому что они твои родители. Это странное явление, и кажется, никто его не осознает: только то, что ты мать, не значит, что ребенок должен тебя любить. Ты должна быть достойной любви; просто быть матерью недостаточно. Ты можешь быть отцом, но это не значит автоматически, что ты достоин любви. Только то, что ты отец ребенка, не создаст в нем огромного чувства любви. Но этого ожидают... бедный ребенок не знает, что ему делать. Он начинает притворяться; это единственный возможный путь. Он начинает улыбаться, когда в его сердце нет улыбки; он начинает показывать любовь, уважение, благодарность – и все это просто ложно. Он с самого начала становится актером, лицемером, политиком.

Все мы живем в мире, где родители, учителя, священники – каждый тебя развращает, сбивает с толку, уводит прочь от самого себя. Мое усилие в том, чтобы снова дать тебе твой собственный центр. Я называю это центрирование медитацией. Я хочу, чтобы ты просто был самим собой, с огромным самоуважением, с достоинством от знания того, что существование нуждается в тебе – и тогда ты можешь начать искать самого себя. Сначала приди в центр, затем начни искать, кто ты такой.

Знать свое истинное лицо – это начало настоящей любви, жизни празднования. Ты сможешь дать много любви – потому что это не что-то, что можно исчерпать. Она неизмерима, ее нельзя исчерпать. И чем больше ты ее отдаешь, тем более становишься способным давать еще больше.

Величайший в жизни опыт – это когда ты просто отдаешь без всяких условий, без всяких ожиданий, даже не ожидая простого «спасибо». Напротив, настоящая, подлинная любовь чувствует себя обязанной по отношению к человеку, который принял его любовь. Он мог ее отвергнуть.

Когда ты начинаешь отдавать любовь с глубоким чувством благодарности всем тем, кто ее принимает, ты будешь удивлен тем, что стал императором – ты больше не нищий, просящий

любви с нищенской сумой, стучащийся в каждую дверь. И те люди, в двери которых ты стучишься, не могут дать тебе любви; они сами нищие. Нищие просят любви друг у друга и чувствуют себя разочарованными, гневными, потому что любовь не приходит. Но это неизбежно. Любовь принадлежит миру императоров, не нищих. А человек становится императором, когда он настолько полон любви, что может отдавать ее без всяких условий.

Тогда приходит еще большая неожиданность: когда ты начинаешь отдавать любовь всем, даже незнакомцам – вопрос не в том, кому ты ее даешь, просто сама радость давать так велика, что какая разница, кто окажется на воспринимающей стороне? Когда это состояние приходит в твое существо, ты продолжаешь давать всем и каждому – не только человеческим существам, но и животным, деревьям, дальним звездам, потому что любовь – это что-то такое, что можно передать самой дальней из звезд просто любящим взглядом. Одним прикосновением любовь можно передать дереву. Не говоря ни единого слова... ее можно передать в абсолютном молчании. Ничего не нужно говорить, она сама о себе объявляет. У нее есть собственные способы достичь глубины, проникнуть в твое существо.

Сначала будь полным любви, и тогда случится так, что ты начнешь делиться. И тогда произойдет великая неожиданность... Ведь когда ты отдаешь, то начинаешь получать из неведомых источников, из неведомых уголков, от неизвестных людей, от деревьев, рек, гор. Из всех уголков и закутков существования любовь начинает изливаться на тебя. Чем больше ты даешь, тем больше получаешь. Жизнь становится танцем любви.

От связи к бытию вместе

В то мгновение, когда ты больше ни от кого не зависишь, внутри воцаряется глубокое спокойствие и глубокое молчание, расслабленное позволение. Это не значит, что ты прекращаешь любить. Напротив, впервые ты узнаешь новое качество, новое измерение любви – любви, которая больше не движима биологией, любви, которая ближе к дружественности, чем к любого рода связи. Именно поэтому я даже не говорю «дружественная связь», потому что эта «связь» утопила столько людей.

Медовый месяц, который никогда не кончается

Любовь – это не связь. Любовь связывает, но не становится связью. Связь – это нечто законченное. Связь – это существительное; поставлена точка, и медовый месяц кончился. Теперь нет больше никакой радости, никакого энтузиазма, теперь все кончено. Что-то продолжается лишь ради исполнения обещаний. Может быть, что-то продолжается, потому что так удобнее, комфортнее, уютнее. Может быть, что-то продолжается, потому что тебе не остается ничего другого. Может быть, что-то продолжается, потому что если это прервать, будет столько проблем... Связь означает нечто завершенное, законченное, закрытое.

Любовь – никогда не связь; любовь – это бытие вместе. Это всегда река, текущая, нескончаемая. Любовь не знает никаких точек; медовый месяц начинается, но не кончается никогда. Это не роман, который на определенной странице начался и на определенной странице кончился. Это продолжающееся явление. Кончаются влюбленные, любовь же продолжается – это *нескончание*. Это глагол, не существительное.

Почему мы низводим красоту бытия вместе до связи? Почему мы так спешим? Потому что бытие вместе рискованно, а связь предлагает безопасность. В связи есть определенность; бытие вместе – только встреча двух незнакомцев; может быть, просто остановка на ночлег, за которой утром последует расставание. Кто знает, что будет завтра утром? И мы так боимся, что хотим все сделать определенным, предсказуемым. Мы хотим, чтобы завтрашний день соответствовал нашим идеям; мы не оставляем ему никакой свободы решить по-своему. Поэтому мы тотчас же низводим любой глагол до существительного.

Стоит вам влюбиться в женщину или в мужчину, как вы тут же начинаете думать о том, чтобы пожениться, сделать это законным контрактом. Почему? Каким образом в любовь входит закон? Закон входит в любовь, потому что никакой любви нет. Это только фантазия, и вы знаете, что фантазия исчезнет. Прежде чем она исчезла, нужно ее закрепить, прежде чем она исчезла, нужно что-то предпринять, чтобы расстаться стало невозможно.

В лучшем мире, где царит просветление и люди более медитативны, все будут любить, любить безмерно, но их любовь будет оставаться бытием вместе, не связью. И я не говорю, что их любовь будет лишь на мгновение. Очень возможно, что их любовь может быть гораздо глубже вашей любви, в ней может быть высшее качество близости, в ней может быть больше от поэзии и божественности. И очень возможно, что их любовь будет длиться дольше, чем ваши так называемые связи. Но этого не будут гарантировать закон, суд, полицейский. Гарантии будут внутренними. Любовь будет преданностью сердца, молчаливой сопричастностью.

Если бытие вместе с кем-то приносит радость, тебе захочется испытывать больше и больше радости. Если близость приносит радость, тебе захочется исследовать эту близость глубже и глубже. И есть некоторые цветы любви, которые расцветают лишь после долгой близости. Есть и однолетние цветы; шесть недель они цветут на солнце, но через шесть недель уходят навсегда. Есть цветы, которым, чтобы расцвести, нужны годы, а есть цветы, которым нужны *многие* годы. Чем больше требуется времени, тем любовь глубже. Но это должно быть преданностью одного сердца другому сердцу. Этого не нужно даже облекать в слова, потому что облекать в слова значит профанировать. Это должно быть молчаливой преданностью; глаза – в глаза, сердце – в сердце, существо – в существо. Это нужно понимать, не говорить.

Забудьте о связях и научитесь бытию вместе.

Стоит вам оказаться в связи, как вы начинаете принимать другого как должное – и это разрушает все любовные романы. Женщина думает, что знает мужчину, мужчина думает, что знает женщину. Никто никого не знает! Невозможно знать другого, другой остается тайной. А принимать другого как должное – оскорбительно, неуважительно.

Думать, что ты знаешь свою жену – очень, очень неблагоприятно. Как ты можешь знать эту женщину? Как ты можешь знать этого мужчину? Это процессы, не вещи. Этой женщины, которую ты знал вчера, сегодня больше нет. Столько воды утекло в Ганге; это другой человек, совершенно другой. Будь вместе с ней снова, начни сначала, не принимай ее как должное.

И мужчина, с которым ты спала прошлой ночью... посмотри на его лицо утром. Он больше не тот же человек, многое изменилось. Столь многое, неизмеримо многое изменилось. В этом разница между вещью и человеком. Мебель в комнате остается прежней, но мужчина и женщина – они больше не прежние. Исследуй с самого сначала, начни сначала. Именно это я подразумеваю под бытием вместе.

Бытие вместе означает, что вы всегда начинаете сначала, постоянно пытаетесь познакомиться. Снова и снова вы представляетесь друг другу. Вы пытаетесь увидеть многие стороны личности друг друга. Вы пытаетесь проникнуть глубже и глубже во внутренние царства чувств друг друга, в глубокие тайники существа. Вы пытаетесь разгадать тайну, которую разгадать нельзя. Это радость любви: исследование сознания.

И если ты с кем-то вместе, не низводи это до связи, и тогда другой станет для тебя зеркалом. Исследуя его, неосознанно ты будешь исследовать и самого себя. Проникая глубже в другого, узнавая его чувства, его мысли, его глубинные течения, ты будешь узнавать и собственные глубинные течения. Влюбленные становятся друг для друга зеркалом, и тогда любовь превращается в медитацию.

Связь безобразна, бытие вместе красиво.

В связи оба ее участника остаются слепыми друг к другу. Только подумай, сколько времени прошло с тех пор, как ты смотрел в глаза своей жене? Сколько времени прошло с тех пор, когда ты смотрела в глаза мужу? Может быть, годы. Кто смотрит в глаза собственной жене? Ты уже принял как должное, что знаешь ее; что еще теперь ты можешь увидеть? Незнакомые люди интересуют тебя больше, чем те, кого ты знаешь, – ты знаешь всю топографию их тел, знаешь, как они откликаются, и знаешь, что все происшедшее будет происходить снова и снова. Это повторяющийся круг.

Это не так, не совсем так. Ничто никогда не повторяется; все каждый день остается новым. Старыми становятся лишь твои глаза, старыми остаются лишь твои предпосылки, и на твоём зеркале собирается пыль, и ты теряешь способность отражать другого.

Поэтому я говорю: будьте вместе. Под этим я подразумеваю постоянный медовый месяц. Продолжайте исследовать и идти в глубь друг друга, находя новые способы любить друг друга, находя новые способы быть друг с другом. И каждый человек – такая бесконечная тайна, неисчерпаемая, непостижимая, что никогда невозможно сказать: «Я ее знаю», или: «Я его знаю». Самое большее, ты можешь сказать: «Я сделал, что только мог, но тайна остается тайной».

Фактически, чем больше ты знаешь, тем таинственнее становится другой. Тогда любовь – постоянное приключение.

От похоти к любви, от любви к любящему бытию

Любовь почти невозможна в обычном состоянии человеческого ума. Любовь возможна, лишь когда человек достиг существа, не прежде. Прежде это всегда что-то другое. Мы продолжаем называть это любовью, но некоторые вещи называть любовью глупо.

Мужчина влюбляется в женщину, потому что ему нравится ее походка или ее голос, или то, как она здорова, или ее глаза. Как раз на днях я прочитал, что одна женщина сказала о мужчине: «У него самые красивые в мире брови». В этом нет ничего плохого – брови могут быть красивыми – но если ты влюбляешься в брови, рано или поздно ты будешь разочарована, потому что брови не существенная часть этого человека.

И из-за стольких несущественных вещей люди влюбляются! Форма, глаза... это несущественные вещи. Потому что если ты живешь с человеком, ты живешь не с пропорциями тела; ты живешь не с бровями и не с цветом волос. Когда ты живешь с человеком, этот человек – большое и безграничное явление... почти неопределимое, и эти незначительные вещи на периферии рано или поздно становятся бессмысленными. Но тогда внезапно человек изумлен: что теперь делать?

Каждая любовь начинается романтично. К тому времени как медовый месяц кончается, кончается все, потому что человек не может жить с романтикой. Человек должен жить с реальностью – а реальность совершенно другая. Когда ты видишь человека, ты не видишь этого человека во всей его полноте; ты видишь лишь поверхность. Это все равно что влюбиться в машину из-за ее цвета. Ты даже не заглянул под капот, может быть, в ней вообще нет двигателя, или, может быть, есть какой-то дефект. Цвет машины, в конечном итоге, не играет роли.

Когда два человека оказываются вместе, сталкиваются их внутренние реальности, и внешние вещи становятся бессмысленными. Что делать с бровями, с волосами и прической? Ты почти начинаешь о них забывать. Они больше не привлекают тебя, потому что они есть все время. Чем больше ты узнаешь другого человека, тем больше пугаешься, потому что ты узнаешь его безумие, а он узнает твое. Тогда оба чувствуют себя обманутыми, и оба злятся. Оба они начинают мстить друг другу, словно другой их обманул или одурачил. Никто никого не обманывает, хотя каждый оказывается обманутым.

Одна из самых основных вещей, которые нужно осознать: когда ты любишь человека, то любишь потому, что этот человек недоступен. Теперь этот человек доступен; как может продолжаться любовь?

Тебе хотелось разбогатеть, потому что ты был беден – все желание разбогатеть возникало из бедности. Теперь ты богат, и тебе все равно. Или подумай об этом по-другому... Ты голоден и одержим едой. Но когда ты хорошо себя чувствуешь и твой желудок полон, какая тебе разница? Какое тебе дело до еды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.